

МЕНТОВСКИЕ БУДНИ

ДЕЛО О ПРОПАВШЕЙ

Мария Марцева

Мария Марцева

**Ментовские будни.
Дело о пропавшей**

«Автор»

2026

Марцева М.

Ментовские будни. Дело о пропавшей / М. Марцева — «Автор», 2026

Старший оперуполномоченный Александр Воронцов — циничный мент с восемнадцатилетним стажем, развалившейся семьёй и котом вместо собеседника. Он давно не верит в справедливость и каждый день делает её своими руками. Его новый напарник Игорь Григорьев — выпускник МГУ с красным дипломом, горящими глазами и верой, что мир можно починить по закону. Двух оперов сводит вместе серия загадочных краж — и связывает крепче любых приказов. Три самостоятельных дела, три удара по наивным иллюзиям новичка. Серия квартирных краж, за которой прячется предатель в погонах. Пропавшая девушка, угодившая в сети торговцев людьми, — и гонка со временем, где всё решают пять минут. Убийство студента, чьи следы ведут к неприкасаемым людям в дорогих кабинетах. Жёсткий, честный детектив — без глянца и супергероев. О цене раскрытого дела, о тонкой грани между законом и работой и о том, ради чего стоит вставать по звонку в четыре утра. Три истории под одной обложкой.

© Марцева М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Район под наблюдением	6
Глава 1. Район под наблюдением	6
Глава 2. Почерк профессионала	10
Глава 3. Утечка изнутри	14
Глава 4. Молодой стажёр	18
Глава 5. Ломбард на углу	21
Глава 6. Конфликт поколений	25
Глава 7. Засада	29
Глава 8. Двойной агент	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мария Марцева
Ментовские будни. Дело о пропавшей
Дело о пропавшей

Район под наблюдением

Глава 1. Район под наблюдением

Утро в отделе пахло так, как пахнут все утра в отделах внутренних дел по всей необъятной стране — холодным кофе, дешёвым табаком, въевшимся в стены ещё со времён, когда курить здесь разрешалось, и какой-то особой казённой тоской, которую невозможно проветрить даже распахнутыми настежь окнами.

Александр Сергеевич Воронцов сидел за своим столом, заваленным бумагами, и смотрел в одну точку. Точкой была трещина на стене, которую он изучал последние восемнадцать лет. Трещина не менялась. В отличие от всего остального.

— Сергеич, ты живой? — в кабинет заглянул дежурный Колян, румяный детина с вечной кружкой в руках. — Тебя Жмыхов вызывает.

— А что, без меня он жить не может? — Воронцов нехотя поднялся, потянулся так, что хрустнули позвонки, и сунул в карман помятую пачку сигарет. — Передай, что я уже бегу. Вприпрыжку.

Кабинет начальника отдела подполковника Жмыхова был оазисом порядка в этом царстве хаоса. Аккуратные папки, портрет на стене, фикус на подоконнике, который пережил уже трёх замов. Сам Жмыхов, грузный мужчина с лицом человека, который двадцать лет ел только то, что вредно, восседал за столом, как Будда районного масштаба.

— Звал, Пётр Аркадьевич? — Воронцов плюхнулся на стул, не дожидаясь приглашения.

— Звал, Саша, звал. — Жмыхов сложил руки домиком. — У нас тут проблемка нарисовалась. Серия краж по микрорайону. Третья за две недели. Все квартирные, все чистые. Ни следов взлома толком, ни свидетелей. Только вынесенное добро да нервные потерпевшие.

Воронцов закурил, не спрашивая разрешения. Жмыхов поморщился, но смолчал — это была их давняя война, в которой ни один не желал капитулировать.

— И что, прямо чистые-чистые? — Воронцов выпустил дым в потолок. — Так не бывает. Всегда что-нибудь да остаётся. Окурки, отпечатки, сосед бдительный.

— В том и дело, что ничего. Работает аккуратно. Я тебе скажу больше — он заходит, когда хозяев нет. Будто знает наперёд, кто когда на работе, кто в отпуске, кто к теще уехал.

Воронцов прищурился. Вот это уже было интересно. Восемнадцать лет в розыске научили его одной простой вещи: дилетанты лезут наобум и попадают на третий раз. Профессионалы знают расписание.

— Значит, не наркоман на ломку зарабатывает, — пробормотал он. — Значит, голова у человека на месте.

— Вот и я о том. — Жмыхов придвинул к нему тонкую папку. — Берёшь дело. И ещё... — он сделал паузу, которую Воронцов сразу невзлюбил. — С тобой будет работать новый сотрудник.

— Какой ещё новый сотрудник? — Воронцов застыл с сигаретой у рта.

— Григорьев. Игорь Валерьевич. Молодой, толковый, МГУ, красный диплом, армия, офицер юстиции. — Жмыхов перечислял так, будто зачитывал список наград. — Из тех, на ком держится будущее органов.

— Пётр Аркадьевич, — Воронцов наклонился вперёд, — ты же знаешь, я один работаю. Всегда. Восемнадцать лет. Зачем мне нянька с дипломом?

— Это не просьба, Саша. Это приказ. Сверху спустили. Хотят, чтобы молодёжь у опытных училась. — Жмыхов развёл руками с видом человека, который и сам не рад, но что поде-

лаешь. — Введёшь его в курс дела. Покажешь, как оно всё на самом деле. А то они там, в академиях, думают, что преступников по учебнику ловят.

Воронцов затушил сигарету о край пепельницы, которую Жмыхов терпеть не мог.

— А если я скажу нет?

— Тогда я тебе напомним про прошлый месяц. Про протокол, который ты задним числом оформлял. И про то, что Внутренняя безопасность очень интересовалась.

Воронцов усмехнулся. Подловил, старый лис.

— Ладно. Где это юное дарование?

— В коридоре ждёт. С восьми утра.

Игорь Валерьевич Григорьев действительно ждал в коридоре. Стоял по стойке смирно, как на плацу, в идеально выглаженной рубашке, с папкой под мышкой. Двадцать четыре года, ясные глаза, лицо человека, который ещё верит, что мир можно сделать лучше. Воронцов оглядел его с головы до ног и вздохнул так глубоко, будто на него повесили мешок с цементом.

— Александр Сергеевич! — Григорьев вытянулся ещё сильнее, хотя казалось, что больше некуда. — Младший лейтенант юстиции Григорьев, прибыл в ваше распоряжение!

— Тише ты, — поморщился Воронцов. — Не на параде. Идём, поговорим.

Они спустились вниз, во двор отдела, где у разбитого асфальта стоял старый служебный «Форд» с вмятиной на двери — память о неудачной погоне трёхлетней давности. Воронцов прислонился к капоту и закурил очередную.

— Так, студент. Расскажи мне, что ты знаешь про оперативную работу.

— Оперативно-розыскная деятельность регламентируется Федеральным законом номер сто сорок четыре, — отчеканил Григорьев. — Включает в себя опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочную закупку...

— Стоп, стоп. — Воронцов поднял руку. — Я тебя про закон не спрашивал. Я тебя спрашивал про работу. Это разные вещи, понимаешь? Иногда вообще противоположные.

Григорьев нахмурился. В его аккуратной картине мира таких противоречий быть не должно.

— Закон есть закон, Александр Сергеевич. Мы обязаны действовать в его рамках.

— Угу. — Воронцов выпустил дым. — Запомни эту фразу. И постарайся не разочароваться слишком сильно, когда поймёшь, как оно бывает на самом деле. Ладно, поехали. На дело.

Микрорайон, где орудовал вор, был типичным спальником — серые девятиэтажки, дворы с покосившимися качелями, гаражи-ракушки и магазинчики на первых этажах. Здесь жили люди, которые рано вставали и поздно возвращались, которые знали соседей в лицо, но не по имени, и которые искренне считали, что с ними ничего плохого случиться не может. До тех пор, пока не случилось.

Первая потерпевшая, Зинаида Петровна, пенсионерка лет семидесяти, встретила их на пороге квартиры с заплаканными глазами.

— Всё вынесли, ироды, — причитала она, проводя оперативников в комнату. — Колечко обручальное, серёжки, что от мамы остались, телевизор новый, что внук подарил. И главное — как зашли? Дверь целая, замок целый!

Воронцов медленно обошёл квартиру, цепким взглядом фиксируя детали. Чисто. Слишком чисто. Ни одной царапины на замке, ни следов на подоконнике. Григорьев тем временем достал блокнот и принялся записывать с усердием отличника.

— Зинаида Петровна, — Воронцов присел рядом с ней. — А когда вас не было дома? В какое время?

— Так я ж к врачу ходила, в поликлинику. С девяти до часу. Каждый вторник хожу, давление меряю.

— Каждый вторник, — повторил Воронцов задумчиво. — А кражу когда обнаружили?

— Так в час и пришла, а тут — ужас этот.

— А кто знал про ваши вторники? Соседи? Родственники?

— Да кто ж их разберёт. Соседям говорила, конечно. И в ЖЭК ходила, жаловалась, что лифт не работает, тоже про вторники упоминала. А что?

Воронцов и Григорьев переглянулись. Точнее, Воронцов посмотрел на Григорьева многозначительно, а тот пока ещё не понял почему.

— А участковый ваш заходил недавно?

— Заходил, как же. Анкеты какие-то заполнял, про жильцов спрашивал. Вежливый такой, Дмитрий Михайлович. — Зинаида Петровна вдруг осеклась. — А вы что, думаете...

— Ничего я не думаю пока, — успокоил её Воронцов. — Работа такая, всех расспрашивать.

Когда они вышли из подъезда, Григорьев не выдержал:

— Александр Сергеевич, вы заметили? Все три потерпевших ушли из дома по расписанию! Это не случайность. Вор знал, когда квартиры пустые!

— Молодец, — кивнул Воронцов, закуривая. — Соображаешь. Только не торопись с выводами. Это самая большая ошибка молодых — увидеть одну ниточку и сразу за неё дёргать из всех сил. А ниточек, как правило, много. И ведут они в разные стороны.

— Но кто мог знать расписание всех троих? Участковый! Он обходил квартиры, собирал данные!

Воронцов посмотрел на напарника долгим взглядом. В этом взгляде была усталость, какую не передать словами.

— Игорь, ты сейчас взял живого человека, нашего коллегу, и в своей светлой голове уже надел на него наручники. А у тебя что есть? Догадка. Предположение. Версия. Это не доказательство. Это даже не повод его подозревать всерьёз. Это просто одно из направлений. Понял разницу?

— Но логически...

— Логически в этом районе живут двадцать тысяч человек. И половина из них знала, что бабка по вторникам к врачу ходит, потому что она об этом всему двору рассказывает. — Воронцов выбросил окурочек. — Поехали в ломбард. Краденое где-то всплывает. А всплывает оно всегда в одних и тех же местах.

Они сели в машину. Григорьев пристегнулся, Воронцов — нет, по привычке.

— Александр Сергеевич, а почему именно ломбард?

— Потому что вор — он не коллекционер. Он не любит бабкиными серёжками по вечерам. Ему нужны деньги. А чтобы золото в деньги превратить, надо его кому-то сбыть. Скупка краденого, ломбард, барыга знакомый. В нашем районе скупок официальных три, а неофициальных — кто ж их считал. Но есть одна, на углу Заводской и Мира, которая мне давно покоя не даёт.

— Чем же?

— Тем, что её хозяин, некий Аркадий Львович, слишком много улыбается. — Воронцов завёл мотор, и «Форд» недовольно зачихал. — А когда человек в нашем районе слишком много улыбается, значит, ему есть что скрывать. Запомни и это, студент.

Машина выехала со двора отдела и нырнула в утренний поток. Григорьев смотрел в окно на серые дома, на спешащих людей, на привычную жизнь спального района, под поверхностью которой, как он теперь понимал, скрывалось что-то тёмное и пока непонятное.

— А вы давно работаете, Александр Сергеевич?

— Восемнадцать лет. — Воронцов закурил прямо за рулём, приоткрыв окно. — С твоего возраста примерно. Тоже пришёл с горящими глазами, с идеалами, с верой, что вот сейчас всех злодеев переловлю и наступит счастье. — Он усмехнулся. — Знаешь, что я понял за эти годы?

— Что?

— Что злодеев не переловишь. Их меньше не становится. Меняются только лица. Но это не значит, что не надо работать. Просто надо понимать, зачем ты это делаешь. Не ради счастья всего мира. А ради вот этой бабки, у которой колечко мамино свистнуло. Ради конкретного человека. — Он помолчал. — Только не вздумай в протокол это записывать. Засмеют.

Григорьев впервые за всё утро улыбнулся.

Ломбард на углу Заводской и Мира оказался неприметной конторой с зарешёченными окнами и вывеской «Скупка. Золото. Антиквариат». Внутри пахло пылью и старыми деньгами. За толстым стеклом сидел полный мужчина с залысинами и той самой улыбкой, о которой говорил Воронцов.

— Господа! — расплылся Аркадий Львович, едва они вошли. — Чем обязан столь раннему визиту представителей закона?

— Да вот, Аркадий Львович, мимо проходили, — Воронцов облокотился на прилавок. — Решили заглянуть, узнать, как бизнес идёт. Золотишко принимаешь?

— Принимаю, как не принимать. Всё по закону, документы в порядке, журнал учёта веду исправно. — Хозяин ломбарда демонстративно похлопал по толстой тетради.

— А обручальные колечки давно сдавали? Старенькие такие, с гравировкой? — Воронцов смотрел ему прямо в глаза. — И серёжки с зелёным камушком?

Улыбка Аркадия Львовича дрогнула на долю секунды. Но Воронцов эту долю секунды поймал. Восемнадцать лет — это не просто цифра. Это умение читать людей по лицам.

— Не припомню, гражданин начальник. Народу много ходит.

— Ну-ну. — Воронцов выпрямился. — Ты журнальчик-то приготовь. Мы ещё зайдём. С ордером.

Когда они вышли на улицу, Григорьев тихо спросил:

— Он соврал?

— Соврал, — кивнул Воронцов, прикуривая. — И теперь занервничает. А нервный человек делает ошибки. Вот мы их и подождём. Терпение, студент. В нашем деле терпение — главное оружие. Не пистолет, не корочки. Терпение.

Над спальным районом висело низкое серое небо. Где-то в одной из тысяч квартир сидел человек, который точно знал, кто и когда уходит из дома. И Воронцов чувствовал нутром, выработанным за долгие годы, что дело это будет не таким простым, как кажется. Слишком чисто работал вор. Слишком хорошо был осведомлён.

— Поехали в отдел, — сказал он. — Будем поднимать всё, что есть на этого Аркадия. И заодно глянем, кто в этом районе имел доступ к ключам и расписаниям. Только тихо, Игорь. Без шума. Тут, чует моё сердце, кто-то свой замешан.

Григорьев кивнул, и в этом кивке уже было меньше академической самоуверенности и чуть больше понимания. Машина тронулась, увозя двух оперативников вглубь района, который теперь был под наблюдением. И который хранил свои тайны крепче, чем казённый сейф.

Глава 2. Почерк профессионала

В отделе Воронцов первым делом достал из стола засаленную папку с тремя протоколами и разложил их на столе веером, как карты. Григорьев придвинул стул и навис над бумагами с видом студента перед экзаменом.

— Смотри сюда, студент. — Воронцов ткнул пальцем в первый лист. — Три кражи. Первая — двенадцатого числа, квартира на Заводской. Вторая — девятнадцатого, на Мира. Третья — позавчера, у нашей Зинаиды Петровны на Строителей. Что общего видишь?

— Все три в одном микрорайоне, — начал Григорьев, водя пальцем по строчкам. — Все три без следов взлома. Похищены золото, деньги, бытовая техника.

— Это и ребёнок увидит. А ты глубже копай. Дни какие?

Григорьев нахмурился, сверяя даты с календарём на стене.

— Двенадцатое — понедельник. Девятнадцатое — тоже понедельник. А кража у Зинаиды Петровны... — он осёкся. — Вторник.

— Вот именно. — Воронцов закурил, откинувшись на скрипучем стуле. — Два понедельника подряд, потом вторник. Почему сбой? Потому что наш фигурант работает не по дням недели. Он работает по людям. По их привычкам. Зинаида ходит к врачу по вторникам — он пришёл во вторник. А те двое, на Заводской и на Мира, по понедельникам где были?

Григорьев схватился за протоколы, зашуршал страницами.

— Тут есть... Первый потерпевший, Семёнов, по понедельникам ездил на оптовую базу за товаром, он торгует на рынке. А вторая, Кравцова, по понедельникам водила ребёнка на занятия в бассейн через весь город. Возвращалась только к обеду.

— Уже теплее. — Воронцов выпустил кольцо дыма, любуясь им. — Видишь, как складывается? Он не выбирает день недели. Он изучает конкретного человека и бьёт тогда, когда тот гарантированно отсутствует несколько часов. Это, Игорь, не гопник с фомкой. Это наблюдатель. Он сначала смотрит, потом крадёт.

— Значит, он живёт где-то рядом? Чтобы наблюдать?

— Либо живёт, либо работает, либо имеет повод тут регулярно бывать. — Воронцов поднялся, подошёл к карте района, висевшей на стене ещё с советских времён, пожелтевшей по краям. Взял красный карандаш и поставил три крестика. — Заводская, Мира, Строителей. Смотри.

Три точки выстроились почти в идеальный треугольник вокруг одной площади.

— Все три дома выходят на сквер. На один и тот же. — Воронцов постучал карандашом по центру треугольника. — Что у нас в этом сквере?

Григорьев пожал плечами:

— Лавочки. Детская площадка. Магазин. Аптека вроде.

— А ещё там сидят люди. Целыми днями. Старики на лавочках, мамочки с колясками, пенсионеры с домино. И никто на них внимания не обращает, потому что они — часть пейзажа. — Воронцов обернулся. — А что, если наш наблюдатель — тоже часть пейзажа? Тот, кого видят каждый день и не замечают?

В кабинет, не постучав, ввалился Колян с двумя кружками чая.

— Сергеич, тут тебе из дежурки передали. Аркадий Львович твой звонил, из ломбарда. Хочет встретиться, говорит, важное что-то.

Воронцов и Григорьев переглянулись.

— Видишь, студент? — усмехнулся Воронцов, принимая кружку. — Я ж тебе говорил. Нервный человек делает ошибки. Не прошло и трёх часов, как занервничал и сам на связь вышел. Поехали, послушаем, что споёт нам наш улыбчивый антиквар.

Аркадий Львович ждал их не в ломбарде, а в маленькой кофейне неподалёку, забившись в самый дальний угол. От утренней улыбки не осталось и следа. Лицо его было бледным, пальцы нервно теребили салфетку, превращая её в труху.

— Спасибо, что приехали, — забормотал он, едва оперативники сели. — Я тут подумал... я не хочу проблем. Я человек законопослушный, у меня всё чисто, понимаете?

— Понимаем, понимаем, — кивнул Воронцов, доставая сигарету, но не закуривая — в кофейне не разрешалось, а скандалить пока было не с руки. — Ты ближе к делу, Аркадий Львович. Что вспомнил?

Ломбардщик оглянулся по сторонам, понизил голос:

— Было кольцо. Обручальное, старое, с гравировкой внутри. И серёжки с изумрудиком. Принёс человек, недели полторы назад. Я взял, не подумал плохого, мало ли. Но потом вы пришли, описали точь-в-точь... Я этих вещей касаться не хочу.

— Кто принёс? — Воронцов подался вперёд.

— Не знаю имени. Мужчина, лет сорока пяти-пятидесяти. Неприметный такой. В куртке серой, кепке. Документы показывал — паспорт на имя... — Аркадий Львович зажмурился, вспоминая. — На имя Соколова, что ли. Но я думаю, паспорт левый. Слишком уж легко он его достал, будто заранее приготовил.

Григорьев лихорадочно записывал, но Воронцов положил ему руку на блокнот:

— погоди. — Он повернулся к ломбардщику. — Этот Соколов — он первый раз у тебя был?

Аркадий Львович замялся. И это промедление сказало Воронцову больше, чем любые слова.

— Не первый, значит, — спокойно констатировал он. — Сколько раз?

— Раз три-четыре за последний месяц, — выдавил ломбардщик. — Разное приносил. Технику, золото. Я думал, человек просто вещи распродаёт, бывает же, развёлся там или денег нет...

— А камеры у тебя в ломбарде есть?

— Есть. Но... — Аркадий Львович виновато развёл руками. — Запись только три дня хранится, потом стирается. Не успел сохранить.

Воронцов посмотрел на него долгим тяжёлым взглядом. Ломбардщик заёрзал.

— Аркадий Львович, давай начистоту. Ты понимаешь, что укрывательство краденого — это статья? И что если ты сейчас мне всё не выложишь, то поедешь не свидетелем, а соучастником?

— Я всё понимаю! — испуганно зачастил тот. — Я потому и позвонил! Я не хочу за чужие грехи отвечать! Вот, я кольцо сохранил, не продал ещё. — Он торопливо вытащил из кармана платок, развернул. На белой ткани блеснуло старенькое обручальное кольцо. — Возьмите. Это ведь улика, да? Я добровольно отдаю.

Воронцов аккуратно, через салфетку, взял кольцо, поднёс к свету. На внутренней стороне виднелась полустёртая гравировка: «Зине от Коли. 1974».

— Зине от Коли, — тихо прочитал он. — Зинаида Петровна. Её колечко.

Что-то дрогнуло в его обычно непроницаемом лице. Восемнадцать лет, а такие мелочи всё равно цепляли. Старое кольцо, подаренное мужем полвека назад, который наверняка уже на кладбище. Единственная память. И какая-то тварь вынесла его из дома, чтобы загнать за пару тысяч.

— Игорь, оформляй изъятие, — сказал он, пряча кольцо в пакет для вещдоков. — По всем правилам, понятиями, протоколом. Чтобы потом адвокат не отвертелся.

Григорьев кивнул и принялся за дело с такой тщательностью, будто принимал присягу.

Уже на улице, когда оба закурили — Григорьев, оказывается, тоже иногда баловался, — Воронцов задумчиво произнёс:

— Значит, так. Что мы имеем. Мужик лет сорока пяти-пятидесяти, неприметный, с поддельным паспортом на имя Соколова. Регулярно сбывает краденое в одном ломбарде. Работает аккуратно, без взлома, знает расписание жертв. И при этом не боится светиться в скупке.

— Может, дурак? — предположил Григорьев.

— Не дурак. — Воронцов покачал головой. — Дурак не открывает замки без следов. Дурак не выбирает время так точно. Тут другое. Тут человек, который чувствует себя в безопасности. Который уверен, что его не возьмут. А такая уверенность откуда берётся?

— Когда есть прикрытие, — медленно произнёс Григорьев.

— Соображаешь. — Воронцов одобрительно хмыкнул. — Либо прикрытие, либо он знает, как работает система, изнутри. Знает, что искать его толком не будут, что кражи спишут на висяки, что отдел завален и до квартирных краж руки дойдут в последнюю очередь. — Он затушил окурок о урну. — А такое знание, Игорь, бывает у людей определённого круга. У тех, кто либо сидел, либо работал рядом с нами.

— Вы опять про участкового?

Воронцов помолчал, глядя на серые дома.

— Я ни про кого конкретно. Я про принцип. Замки без следов открывают двумя способами. Либо отмычкой — но тогда нужен мастер высокого класса, такие на квартирные кражи в спальниках не разменяются, им банки подавай. Либо ключом. А ключ откуда берётся? Дубликат. А чтобы сделать дубликат, нужен доступ к оригиналу. Хоть на пять минут.

— ЖЭК, — выдохнул Григорьев. — Запасные ключи жильцы часто оставляют в ЖЭКе. На случай аварии, протечки.

— Вот теперь ты думаешь, как опер, а не как студент. — Воронцов хлопнул напарника по плечу. — Поехали в ЖЭК. Только, ради бога, не врывайся туда с криком «всем стоять». Мы просто зайдём, поговорим, посмотрим, кто там работает, у кого какой доступ. Тихо. Аккуратно. Как мыши.

Они снова сели в свой потрёпанный «Форд». Воронцов завёл мотор, тот привычно зачихал, прежде чем схватиться.

— Александр Сергеевич, а как вы поняли, что Аркадий Львович позвонит? — спросил Григорьев, пристёгиваясь.

— Я не понял. Я почувствовал. — Воронцов вырулил со стоянки. — Он человек трусливый. Жадный, но трусливый. Жадность велела ему молчать и продать золотишко. А трусость, когда к нему пришли мы, перевесила. Он испугался, что мы выйдем на него и повесим всё скопом. Вот и решил соскочить, сдать нам клиента, а сам остаться чистеньким свидетелем. Обычная человеческая арифметика. Страх минус жадность.

— А он не соучастник?

— Соучастник, конечно. Прекрасно понимал, что краденое берёт. Но доказать это сложно, а свидетель нам сейчас нужнее. — Воронцов усмехнулся. — Видишь, студент, вот тебе и противоречие закона с работой, про которое я утром говорил. По закону его бы прижать. А по работе — пусть бегают, болтают, выводит нас на главного. Поймаем главного — тогда и за этого возьмёмся.

Григорьев молчал, переваривая. В его стройной правовой картине мира снова появилась трещина — такая же, как та, что Воронцов изучал восемнадцать лет на стене своего кабинета.

ЖЭК номер четырнадцать располагался в полуподвале хрущёвки и встретил оперативников запахом сырости, хлорки и подгоревшего чайника. За обшарпанной стойкой сидела дама бальзаковского возраста с начёсом былых времён и красила ногти ядовито-розовым лаком.

— Здравствуйте, — Воронцов показал удостоверение. — Уголовный розыск. Можно с вашим начальством пообщаться?

Дама окинула их скучающим взглядом, явно не впечатлившись.

— Нет начальства. Геннадий Палыч на больничном третью неделю. Сердце.

— А кто за него?

— Да никто толком. Я вот, документы веду. Слесаря наши. Электрик. — Она махнула рукой куда-то в сторону коридора.

— А ключи от квартир жильцов у вас хранятся? — будто между делом спросил Воронцов, облокачиваясь на стойку.

Дама насторожилась, отложила кисточку.

— Хранятся, у кого. Не все сдают, но кто оставляет — да, в сейфе лежат. На случай аварии.

— А кто к сейфу доступ имеет?

— Геннадий Палыч. Я. И... — она запнулась. — И Витёк раньше имел. Слесарь наш. Но он уволился месяца два назад. Хороший был работник, рукастый, любой замок чинил.

Воронцов и Григорьев снова переглянулись. Эта переглядка уже становилась у них фирменной.

— А как Витька вашего по фамилии? — спросил Воронцов как можно равнодушнее.

— Соколов. Виктор Анатольевич Соколов.

В тесном полуподвале ЖЭКа повисла тишина, нарушаемая только бульканьем закипающего чайника. Воронцов медленно достал сигарету, повертел в пальцах. Соколов. То самое имя с поддельного, как думал ломбардщик, паспорта. Только паспорт, выходит, был настоящий.

— А что ж он уволился, такой рукастый? — спросил он.

— Так не сошлись с Геннадием Палычем. Витёк всё подработку требовал, говорил, мало платят. А потом исчез. Ключи, правда, перед уходом сдал все, по описи. — Дама пожала плечами. — Хотя кто их знает, мог и дубликаты наделать, он же мастер. Замки — его конёк был.

Воронцов улыбнулся — той редкой улыбкой, которая появлялась на его лице, когда дело начинало складываться.

— Спасибо вам огромное. Очень помогли. — Он повернулся к Григорьеву и тихо добавил: — Вот тебе и почерк профессионала, студент. Бывший слесарь, мастер по замкам, имел доступ к ключам всего района. Уволился — но дубликаты-то остались. И список, кто где живёт, у него в голове. Поехали в отдел, будем поднимать всё на гражданина Соколова Виктора Анатольевича.

Они вышли из полуподвала на серый свет хмурого дня. Воронцов наконец закурил, с наслаждением затянулся.

— Только рано радоваться, Игорь, — сказал он, глядя на трёхэтажные крестики, которые мысленно всё ещё видел на карте. — Найти имя — это полдела. Даже не полдела. Теперь его надо найти живьём. А такой аккуратный человек так просто в руки не дастся.

Глава 3. Утечка изнутри

В отделе пахло, как всегда, — кофе, табаком и казёнными буднями. Воронцов сидел перед монитором старого компьютера, который думал дольше, чем сам Воронцов, и барабанил пальцами по столу. Григорьев стоял за спиной, заглядывая через плечо.

— Ну вот, дождались, — буркнул Воронцов, когда на экране наконец высветилась карточка. — Соколов Виктор Анатольевич, тысяча девятьсот семьдесят второго года рождения. Прописан на улице Полевой, дом восемь. Это, кстати, в двух шагах от нашего сквера. — Он постучал пальцем по экрану. — А вот это уже интересно. Две судимости. Первая — кража, давняя, ещё в девяностых. Вторая — снова кража, со взломом, отсидел четыре года, освобоёлся семь лет назад.

— Рецидивист, — выдохнул Григорьев. — То есть он действительно профессионал.

— Профессионал, — кивнул Воронцов, закуривая. — Только вот что меня смущает, студент. Человек с двумя ходками за кражи устраивается слесарем в ЖЭК. Туда, где ключи от полрайона лежат. Кто его взял на работу с такой биографией?

— Может, не проверяли?

— ЖЭК — это коммунальщики, им проверять некогда, рук не хватает, берут кого попало. — Воронцов выпустил дым. — Но дело не в этом. Дело в том, что наш Витёк семь лет был чист. Семь лет работал, не воровал. А потом вдруг сорвался и начал. Почему сейчас? Что изменилось?

Григорьев пожал плечами:

— Деньги понадобились?

— Деньги всем нужны. Это не ответ. — Воронцов задумчиво смотрел на трещину в стене. — Человек, который семь лет держался, не срывается просто так. Либо его припёрло — долги, болезнь, шантаж. Либо... — он сделал паузу, — либо кто-то его подтолкнул. Сказал: давай, Витёк, тряхни стариной, я прикрою.

— Прикрытие, — снова повторил Григорьев это слово, которое уже начинало преследовать их обоих.

В этот момент дверь кабинета открылась, и вошёл человек в форме участкового. Молодой, подтянутый, лет тридцати, с открытым лицом и аккуратной папкой под мышкой. Григорьев напрягся.

— Воронцов? — участковый протянул руку. — Лейтенант Семёнов, участковый по вашему микрорайону. Мне дежурный сказал, вы серией краж занимаетесь. Решил зайти, помочь, чем могу. Я территорию хорошо знаю.

— Семёнов? — Воронцов пожал руку, цепко оглядывая гостя. — А мне говорили, у вас тут Дмитрий Михайлович был.

— Был, — кивнул Семёнов, садясь на предложенный стул. — Дмитрий Михайлович Кравченко. Только он три недели как уволился. Я вместо него. Принял участок недавно, ещё толком не освоился.

Воронцов и Григорьев переглянулись в третий раз за день. Воронцов мысленно отметил: тот самый Дмитрий Михайлович, что обходил квартиры и заполнял анкеты у всех трёх потерпевших. Который собирал данные о жильцах. И который уволился аккуратно тогда, когда начались кражи.

— А чего ж Кравченко ушёл? — спросил Воронцов как можно равнодушнее, протягивая участковому пачку сигарет. — Куришь?

— Спасибо, не курю. — Семёнов покачал головой. — А чего ушёл — не знаю толком. Говорят, по семейным обстоятельствам. Вроде к матери в другой город переехал, она болеет. Но это слухи. Я его лично почти не застал, дела принимал в спешке.

— Понятно. — Воронцов откинулся на стуле. — Слушай, лейтенант, раз уж пришёл — помоги. Знаешь такого Соколова Виктора Анатольевича? Бывший слесарь из ЖЭКа, с Полевой, восемь.

Семёнов задумался, потом покачал головой:

— Не припомню. Я ж недавно тут. А что, он причастен?

— Может быть. Пока разбираемся. — Воронцов поднялся, давая понять, что разговор окончен. — Спасибо, что зашёл. Если что вспомнишь про Кравченко или про обстановку на участке — звони.

Когда участковый ушёл, Григорьев тут же повернулся к напарнику:

— Александр Сергеевич! Вы слышали? Кравченко! Тот самый участковый, который обходил квартиры всех потерпевших! Который анкеты заполнял, данные собирал! И он уволился именно тогда, когда пошли кражи! Это же он! Он собрал информацию, передал Соколову, а сам исчез!

Воронцов медленно затушил сигарету.

— Сядь, Игорь. И дыши ровно. — Он подождал, пока напарник опустится на стул. — Давай разложим. Что у нас есть на Кравченко? Он обходил квартиры потерпевших. Это раз. Он уволился перед началом краж. Это два. Звучит складно, согласен. Только знаешь, что это называется?

— Что?

— Слишком складно. — Воронцов прищурился. — Когда всё так гладко ложится, у меня внутри звоночек звенит. Восемнадцать лет звенит. Жизнь — она кривая, в ней так аккуратно ничего не складывается. А вот версии — они складываются. Особенно те, которые кто-то специально для нас приготовил.

— То есть вы думаете, его подставляют?

— Я думаю, что не надо спешить. — Воронцов придвинул к себе телефон. — Давай-ка я позвоню кадровикам и узнаю про этого Кравченко всё. Когда пришёл, когда ушёл, какие были взыскания, поощрения. И заодно — куда он на самом деле делся.

Звонок занял двадцать минут, в течение которых Воронцов в основном слушал, мычал в трубку и черкал что-то в блокноте. Когда он повесил трубку, лицо его было задумчивым.

— Интересные дела, студент. Дмитрий Михайлович Кравченко, участковый с восьмилетним стажем. Характеристики отличные, ни одного взыскания, благодарности от жителей. Образцовый, в общем, опер. А три недели назад подал рапорт на увольнение по собственному. Причина — уход за больной матерью в Воронеже.

— Ну вот! — Григорьев аж привстал. — Идеальная легенда! Прикинулся хорошим, собрал данные и сбежал!

— А теперь — самое вкусное. — Воронцов поднял палец. — Я попросил пробить, в Воронеже ли он. Так вот, по данным сотовой связи, телефон Кравченко последние три недели исправно светится здесь. В нашем городе. В нашем районе. Никуда он не уезжал.

Григорьев замер с открытым ртом.

— Значит... он соврал про мать?

— Либо соврал, либо телефон оставил, а сам уехал. Но это вряд ли. — Воронцов поднялся, накинул куртку. — Знаешь, что мне это говорит? Что человек уволился под выдуманым предлогом и остался в районе, скрывая это. А такое поведение, Игорь, бывает у двух типов людей. У тех, кто что-то затевает. И у тех, кто чего-то очень сильно боится.

— И как понять, кто из них Кравченко?

— А вот это мы сейчас и выясним. Поехали к нему домой. Адрес у меня есть.

Дмитрий Михайлович Кравченко жил в обычной двушке на пятом этаже блочной девятиэтажки. Воронцов нажал на кнопку звонка, и они стали ждать. За дверью послышались шаги — осторожные, крадущиеся. Потом всё стихло. В глазке мелькнула тень.

— Дмитрий Михайлович, — спокойно сказал Воронцов в закрытую дверь. — Уголовный розыск. Мы знаем, что вы дома. Откройте, разговор есть. Хороший разговор, не для протокола.

Долгая пауза. Потом щёлкнул замок, второй, загремела цепочка. Дверь приоткрылась. На пороге стоял мужчина лет сорока, осунувшийся, небритый, с красными от недосыпа глазами. На бывшего образцового участкового он походил мало. Скорее на загнанного зверя.

— Проходите, — глухо сказал он. — Только тихо. Соседям ни к чему.

Квартира была неприбранной, на столе — гора немытой посуды и пустые бутылки. Кравченко выглядел человеком, который давно перестал следить за собой и за домом. Он опустился на стул, обхватил голову руками.

— Я знал, что вы придёте, — пробормотал он. — Рано или поздно. По кражам, да?

— По кражам, — кивнул Воронцов, садясь напротив. Григорьев остался стоять у двери, готовый в любой момент действовать. — Рассказывай, Дмитрий Михайлович. Всё рассказывай. Я же вижу, тебе тяжело носить это в себе.

Кравченко поднял голову. В глазах его стояли слёзы — слёзы измотанного, отчаявшегося человека.

— Я никого не обкрадывал, — сказал он. — Клянусь, я ни одной квартиры не вскрыл. Но... я виноват. Виноват, что струсил.

— Давай по порядку, — мягко сказал Воронцов. Он умел, когда надо, быть мягким — это тоже было оружием, не хуже терпения.

— Соколов, — выдавил Кравченко. — Виктор. Я его знал по участку, он же слесарем в ЖЭКе работал. Нормальный вроде мужик был, хоть и сидел раньше. Я к нему присматривался по службе, но он чистый ходил, не лез ни во что. А месяца два назад он ко мне подошёл. И говорит: Дима, мне нужны данные. Кто когда из дома уходит, у кого что в квартире. А я тебе процент.

— И ты согласился, — без осуждения, просто констатируя, сказал Воронцов.

— Не сразу. — Кравченко сглотнул. — Я отказался сначала. А он... он показал мне фотографии. Я полгода назад взял на лапу. С коммерсанта одного, чтобы дело замять. Глупость, разовая, бес попутал. А Соколов как-то узнал, заснял момент передачи денег. И сказал: или ты со мной, или я эти фото твоему начальству. Тогда тебе не увольнение — тебе срок.

— Шантаж, — тихо произнёс Григорьев от двери.

— Шантаж, — кивнул Кравченко. — Я и поплыл. Дал ему данные по нескольким квартирам — кто когда уходит, я ж по участку всё знал, анкеты заполнял. А когда понял, что он начал воровать по моим наводкам, — испугался до смерти. Уволился, наврал про мать, заперся дома. Думал, отсижусь, всё уляжется. А оно вон как.

Воронцов молчал, переваривая. Картина складывалась — но не так, как предполагал Григорьев. Участковый оказался не вдохновителем, а жертвой. Слабым человеком, которого сломали и использовали.

— Дмитрий Михайлович, — наконец сказал Воронцов. — Где сейчас Соколов? Это главное.

— Не знаю, — Кравченко покачал головой. — Он мне не докладывает. Но... — он замялся. — Он как-то обмолвился, что у него есть надёжное место. Гараж где-то в районе старых кооперативов, за рынком. Там он, говорил, и инструмент держит, и товар, пока не сбудет. Номер не знаю, но это где-то там.

Воронцов поднялся.

— Вот что, Дмитрий Михайлович. Ты сейчас поедешь с нами. Дашь показания официально. Всё, как мне рассказал, — и про Соколова, и про шантаж, и про взятку.

Кравченко вздрогнул:

— Но тогда мне конец. Взятка — это статья.

— Конец тебе будет, если будешь молчать, — жёстко сказал Воронцов. — А если сам всё расскажешь, сможешь взять Соколова — это смягчающее. Деятельное раскаяние. С хорошим адвокатом, может, и условным отделаешься. Я тебе не обещаю. Но шанс есть. А молчать — шанса нет. Понял?

Кравченко долго смотрел в пол. Потом медленно кивнул и пошёл одеваться.

Уже в машине, везя сломленного участкового в отдел, Григорьев тихо сказал:

— Александр Сергеевич, а ведь я был прав. Кравченко действительно причастен. Я с самого начала на него думал.

Воронцов глянул на напарника через зеркало заднего вида и усмехнулся — невесело.

— Прав, да не прав, студент. Ты думал, он злодей, который всё спланировал. А он — слабак, которого сломали. Чувствуешь разницу? — Он закурил, приоткрыв окно. — Если бы мы с твоей версией влетели сюда с наручниками и обвинениями, он бы замкнулся, вызвал адвоката и молчал. И мы бы потеряли его как свидетеля. А так — я с ним по-человечески, и он мне всё выложил. И теперь у нас есть и свидетель, и наводка на гараж.

Григорьев молчал, глядя в окно на проплывающие серые дома.

— Запомни, Игорь, — продолжал Воронцов. — Виноватых много. А по-настоящему злых — единицы. Большинство просто слабые, трусливые, запутавшиеся. Их не ненавидеть надо, их понимать надо. Понимать — чтобы раскрутить. Кравченко взятку взял? Взял. Ответит. Но он не вор. Вор — это Соколов. И он сейчас сидит в каком-то гараже за рынком и думает, что всё схвачено.

— А мы его возьмём?

— Возьмём. — Воронцов выбросил окурок в окно. — Только не наскоком. Сперва найдём этот гараж. Их там за рынком сотни. Будем искать. А потом — засада. Тихая, грамотная. Чтобы он сам к нам в руки пришёл, с поличным. С краденым в руках. Чтоб ни один адвокат не отмазал.

Машина свернула к отделу. На заднем сиденье молча горбился бывший участковый Кравченко — человек, чья образцовая биография рассыпалась из-за одной минутной слабости. А где-то за рынком, в лабиринте старых гаражей, ничего не подозревая, сидел Виктор Соколов. И петля вокруг него уже начинала затягиваться — медленно, но верно, как всё, что делал старший оперуполномоченный Воронцов.

Глава 4. Молодой стажёр

Допрос Кравченко затянулся до самого вечера. Воронцов вёл его неспешно, по-стариковски обстоятельно, выкуривая сигарету за сигаретой, пока Григорьев печатал протокол на скрипучей клавиатуре старенького компьютера. Бывший участковый говорил долго, путано, иногда срывался, но в целом картина выходила цельная: шантаж, фотографии, переданные Соколову данные о жильцах. Когда Кравченко наконец увели в камеру до решения суда, за окном уже стемнело.

— Ну что, студент, — Воронцов потянулся так, что снова хрустнули позвонки, — первый рабочий день у тебя выдался не из лёгких. Свидетеля раскрутили, версию обкатали, наводку получили. По нынешним меркам — урожайный денёк.

Григорьев откинулся на стуле, потёр уставшие глаза. Идеально выглаженная утром рубашка к вечеру помялась, галстук съехал набок, но в глазах горел тот особый огонёк, который Воронцов хорошо помнил по себе восемнадцатилетней давности.

— Александр Сергеевич, а можно вопрос? — Григорьев замялся. — Личный.

— Валяй. Только учти, на личные вопросы я отвечаю через раз.

— Почему вы один работаете? Вот честно. Жмыхов сказал, восемнадцать лет — и всё в одиночку. Напарников не держите. Почему?

Воронцов помолчал, глядя на трещину в стене — свою старую знакомую.

— Был у меня напарник, — наконец сказал он. — Давно. Серёга Лапин. Хороший мужик был, надёжный. Мы с ним пять лет вместе пахали. — Он закурил, медленно. — А потом на одном задержании его положили. Прямо у меня на глазах. Пуля в шею. Я даже среагировать не успел. — Воронцов выпустил дым. — С тех пор как-то... не сложилось. Привык один. Один за себя только и отвечаешь. А когда рядом человек — за него душа болит. А душе болеть в нашей работе вредно.

Григорьев молчал. В академии про такое не рассказывали.

— Так что ты особо не обольщайся, — Воронцов усмехнулся, сбрасывая напряжение. — Это Жмыхов тебя на меня повесил, не я тебя выбирал. Отработаешь практику, переведут тебя в нормальный отдел, к людям, у которых ещё иллюзии остались. А я дальше один поползу. К пенсии.

— А если я не хочу в нормальный отдел?

Воронцов поднял бровь.

— Это как понимать?

— Я в академии много чего прочитал, — Григорьев подался вперёд, и сонливость с него как рукой сняло. — Про методики, про криминалистику, про процессуальные тонкости. А сегодня за один день понял больше, чем за пять лет учёбы. Как вы ломбардщика просчитали. Как Кравченко разговорили — не криком, не угрозами, а по-человечески. Этому ни в одном учебнике не научат. Я хочу так уметь.

Воронцов смотрел на парня долго и внимательно. В этих ясных глазах не было обычного карьеристского блеска — того, что он навиделся у молодых, которые рвались по головам наверх, к звёздочкам на погонах. Было что-то другое. Искреннее.

— Ишь ты, — буркнул он наконец, скрывая, что слова напарника его зацепили. — Романтик нашёлся. Ладно, философ. Поехали по домам. Завтра с утра начнём искать гараж, а это работа нудная, ногами. Выспись.

Они вышли из отдела в промозглую осеннюю ночь. У крыльца Воронцов остановился, закуривая на дорожку.

— Тебе куда?

— На Тихорецкую. Снимаю комнату пока.

— Подвезу. Мне почти по пути.

В машине они некоторое время ехали молча. Григорьев смотрел в окно на пустеющие улицы, на редких прохожих, на жёлтые квадраты окон в домах, за каждым из которых пряталась чья-то жизнь, чья-то история. Город ночью казался другим — тише, печальнее, честнее.

— Александр Сергеевич, а вы женаты? — снова нарушил тишину Григорьев.

— Был. — Воронцов не отрывал глаз от дороги. — Развёлся восемь лет назад. Лена не выдержала. Оно и понятно — кому понравится муж, который приходит за полночь, пропахший табаком и чужими бедами, а половину выходных проводит на работе. Сначала терпела, потом устала. Ушла к нормальному человеку. Бухгалтеру. — Он усмехнулся. — И правильно сделала, между прочим. С бухгалтером оно надёжнее. Бухгалтера в подъезде не пристрелят.

— Дети есть?

— Дочь. Катя. Семнадцать лет. — Что-то едва уловимо смягчилось в голосе Воронцова. — Видимся редко. Она с матерью живёт. Но звонит иногда. Денег прошу — высылаю. Что ещё отец-мент может дать? — Он помолчал. — Ладно, студент, хватит из меня душу тянуть. А то ты как на допросе работаешь, методично. Сам-то откуда родом?

— Из Подольска. Отец военный, мать учительница. — Григорьев пожал плечами. — Обычная семья. Отец хотел, чтобы я по его стопам, в военное училище. А я в МГУ поступил, на юридический. Он сначала обиделся, а потом, когда я в органы пошёл, вроде как смирился. Говорит, всё равно при погонах.

— А чего в опера-то полез? С красным дипломом МГУ тебе бы прямая дорога в прокуратуру. В тепло, в чистоту, в кабинет с кондиционером. А ты в розыск, в грязь, к нам, землякам.

Григорьев задумался, подбирая слова.

— Не знаю, как объяснить. Прокуратура — это бумаги. Надзор. Ты сидишь и проверяешь, правильно ли другие работают. А мне хотелось самому. Ловить. Чтобы вот этот конкретный гад, который у бабушки кольцо украл, сидел. Не из-за статистики, а потому что справедливо.

Воронцов глянул на него искоса.

— Справедливость, говоришь. — Он невесело хмыкнул. — Запомни, Игорь, ещё одну вещь. Справедливости в этом мире нет. Есть закон, есть работа, есть мы с тобой, которые делаем что можем. А справедливость — это сказка, которую рассказывают, чтобы люди по ночам спокойнее спали. Соколова мы, может, и посадим. А кольцо бабкино уже не вернёшь — продано, переплавлено. И мужа её покойного не воскресишь. Вот тебе и вся справедливость.

— Но, если бы все так думали, — тихо возразил Григорьев, — никто бы вообще не работал. Зачем ловить, если справедливости нет?

Воронцов остановил машину на красный свет, повернулся к напарнику.

— А вот тут ты прав, студент. — В голосе его впервые за вечер послышалось что-то похожее на уважение. — Справедливости нет. Но работать всё равно надо. Потому что если не мы — то кто? Если все руки опустят, тогда вообще каюк, тогда Соколовы по всем квартирам пойдут. Понимаешь, в чём фокус? Веры в справедливость нет, а работа есть. И ты её делаешь. Не ради награды, не ради благодарности. Просто, потому что надо. — Загорелся зелёный, и он тронулся. — Это и называется — взрослеть.

Они подъехали к серой пятиэтажке на Тихорецкой. Григорьев взялся за ручку двери, но не спешил выходить.

— Александр Сергеевич, а можно я завтра пораньше приду? Хочу карту района изучить, гаражные кооперативы посмотреть, схемы поднять. Чтобы не вслепую искать.

Воронцов посмотрел на него и неожиданно для себя улыбнулся — по-настоящему, не своей обычной кривой усмешкой.

— Приходи. Только кофе захвати нормального, а не ту бурду, что у нас в автомате. Если уж напарничать — то хоть кофе пить человеческий.

Григорьев расцвёл, будто ему орден вручили.

— Напарничать? То есть вы...

— Иди давай, пока я не передумал, — буркнул Воронцов. — И выпишись, я сказал. Завтра ноги стопчем.

Григорьев выскочил из машины, но успел крикнуть в закрывающуюся дверь:

— Спасибо, Александр Сергеевич! До завтра!

Воронцов проводил взглядом, как парень скрылся в подъезде, и покачал головой. «Романтик. Пропадёт ведь в нашей мясорубке. А может, и нет. Может, как раз такие и нужны».

Он закурил очередную сигарету и поехал к себе — в пустую однокомнатную квартиру, где его никто не ждал, кроме старого кота Барсика, которого он подобрал во дворе три года назад. Кот был такой же одинокий и потрёпанный жизнью, как сам Воронцов, и они прекрасно понимали друг друга.

Дома Воронцов разогрел вчерашние пельмени, налил полрюмки водки — ровно полрюмки, не больше, он знал свою меру, — и сел на кухне. Барсик тут же запрыгнул на колени, требуя своей доли. Воронцов кинул ему пельмень, выпил, поморщился.

За окном гудел ночной город. Где-то там, в лабиринте гаражей за рынком, прятался Виктор Соколов — аккуратный, осторожный, уверенный в своей безнаказанности. А здесь, на кухне, сидел уставший мент с восемнадцатилетним стажем, развалившейся семьёй и котом вместо собеседника. И между ними была война — тихая, без выстрелов и погонь, война терпения и расчёта, в которой побеждает тот, кто умнее и хладнокровнее.

«А парень-то ничего, — думал Воронцов, поглаживая Барсика. — Голова есть. Сердце есть. Только наивный пока, как телёнок. Надо приглядеть, чтоб не наломал дров. Молодые — они ж как порох. Чуть искра — и понеслись напролом».

Он вспомнил, как сам в двадцать четыре рвался в бой, как горели глаза, как казалось, что мир чёрно-белый и стоит только постараться — и зло будет повержено. Жизнь быстро объяснила, что мир серый, что зло живуче, как сорняк, а добро хрупко, как первый лёд. Серёга Лапин это понял ценой собственной жизни.

«Только бы этот не сломался, — подумал Воронцов, гася окурочку. — Слишком чистый. Таких система перемалывает в первую очередь. Либо ломает, либо выгоняет. А жаль было бы. Толковый малец».

Он допил остатки воды из стакана, согнал кота с колен и пошёл спать. Завтра предстоял долгий день. Гаражи за рынком — это сотни боксов, тысячи углов, лабиринт, в котором затаился вор. И найти в этом лабиринте один-единственный нужный гараж — задача, требующая не геройства, а того самого терпения, которому Воронцов так старательно пытался научить своего юного напарника.

Засыпая, он поймал себя на странной мысли: впервые за восемь лет он ждал завтрашнего рабочего дня не с привычной тоской, а почти с интересом. Может от того, что рядом снова появился человек, которому всё это было нужно. Который верил — пусть наивно, пусть по-детски, — что справедливость всё-таки есть. И что её можно добыть, если очень постараться.

«Дурак, — беззлобно подумал Воронцов про Григорьева, проваливаясь в сон. — Но дурак хороший. Из таких иногда получают настоящие. Если выживут».

За окном начинался дождь — мелкий, осенний, бесконечный. Он барабанил по карнизу, смывая с города дневную пыль и грязь, но не мог смыть то, что копилось в нём годами — людские страсти, жадность, страх, предательство. Это оставалось. С этим Воронцову и предстояло разбираться завтра. И послезавтра. И ещё много лет, пока хватит сил держать в руках удостоверение и табельное оружие.

А пока — он спал. И впервые за долгое время сон его был спокойным.

Глава 5. Ломбард на углу

Григорьев пришёл в отдел в семь утра — за час до начала. Принёс, как и обещал, два стакана нормального кофе из приличной кофейни и пачку распечаток: схемы гаражных кооперативов за рынком, выписки из реестра, спутниковые снимки района. Воронцов, явившийся к восьми, застал напарника склонившимся над разложенными по столу бумагами с видом полководца перед сражением.

— Ого, — Воронцов принял протянутый стакан, отхлебнул, одобрительно крякнул. — Вот это другое дело. Не та бурда. Ну, что нарыл, аналитик?

— Кооперативов за рынком три, — начал Григорьев, тыча карандашом в схему. — «Восход», «Сигнал» и «Автолюбитель». Всего четыреста двенадцать боксов. Если каждый проверять — неделю проходим, и Соколов сто раз почует неладное.

— Согласен. Значит, не будем каждый. — Воронцов придвинул стул, уселся, закурил. — Будем думать. Соколову нужен гараж не абы где. Ему нужно место, где можно спокойно товар держать, инструмент, может, и сам иногда ночевать. Значит — отдельный, не проходной, не на виду. И главное — оформленный не на него. Он же не дурак, на своё имя светиться не будет.

— Тогда как мы его найдём, если не на его имя?

— А вот тут, студент, начинается настоящая работа. — Воронцов выпустил дым. — Не та, что в учебниках. Поедем сначала не в гаражи. Поедем-ка мы снова в наш любимый ломбард. К Аркадию Львовичу.

Григорьев удивлённо поднял голову:

— Зачем? Он же всё рассказал. Кольцо отдал, на Соколова показал.

— Всё, да не всё. — Воронцов хитро прищурился. — Вчера он был напуган и сдал нам клиента. Но человек, который четыре раза принимал краденое и не задавал вопросов, знает больше, чем говорит. Такие, как Аркадий Львович, всегда подстраховываются. Наводят справки о тех, с кем работают. На всякий случай. Чтоб самому не подставиться. Спорим, он про Соколова знает побольше нашего?

Ломбард на углу Заводской и Мира встретил их той же зарешёченной мрачностью. Аркадий Львович, увидев оперативников, заметно занервничал — улыбка снова дрогнула и погасла.

— Опять вы? — выдавил он. — Я же всё рассказал. Я свидетель, вы обещали...

— Обещал, обещал, — Воронцов облокотился на прилавок, как старый знакомый. — И слово держу. Но у меня к тебе ещё пара вопросиков, Аркадий Львович. По-дружески. От ответов, на которые зависит, останешься ты свидетелем или переедешь в графу «соучастник».

Ломбардщик сглотнул, оглянулся на пустой зал.

— Спрашивайте.

— Соколов к тебе четыре раза приходил. — Воронцов говорил мягко, почти ласково. — Человек ты осторожный, битый. Я уверен, ты про него навёл справки. Где живёт, чем дышит, где прячется. Иначе бы не стал с ним связываться. Так ведь?

Аркадий Львович молчал, бегая глазами.

— Молчишь — значит, навёл, — констатировал Воронцов. — Давай, Аркадий. Не тяни. Мне нужно знать, где он держит товар. Где гараж.

— Я... я не знаю точно, — пробормотал ломбардщик. — Но... он как-то проговорился. Сказал, мол, везу со склада, тут недалеко, за рынком. И ещё... — он замялся. — Один раз он приехал на «Жигулях», копейка такая, бежевая, ржавая. Я номер запомнил, по привычке. Профессиональная, знаете ли, бдительность.

Григорьев тут же выхватил блокнот.

— Номер? — Воронцов подался вперёд.

Аркадий Львович продиктовал. Воронцов и Григорьев переглянулись — снова их фирменная переглядка.

— Вот видишь, студент, — сказал Воронцов, когда они вышли. — Это и называется работа. Не геройство, не погони. Зашёл, поговорил, вытряс из трусливого барыги номер машины. А по номеру мы сейчас узнаем, на кого она оформлена. И если на кого-то с гаражом за рынком — вот тебе и адресок.

Через час в отделе они получили ответ. Бежевые «Жигули» были зарегистрированы на некоего Петрова Геннадия Ивановича, шестидесяти восьми лет, пенсионера.

— Опять не Соколов, — буркнул Григорьев. — Подставное лицо?

— Скорее всего. — Воронцов забил адрес Петрова в поиск. — Полевая, шесть. Это... — он осёкся, усмехнулся. — Это соседний дом с тем, где прописан Соколов. Полевая, восемь. Соседи, значит. Поехали к деду Петрову, потолкуем. Только аккуратно. Дед, может, и ни при чём, просто машину дал хорошему человеку по доброте душевной.

Геннадий Иванович Петров оказался сухоньким старичком в растянутой кофте, который встретил оперативников с настороженностью человека, который ничего хорошего от властей не ждёт.

— Машина? Бежевая копейка? — Петров поскрёб седую щетину. — Так я её продал. Давно уж. Полгода назад, что ли.

— Кому продали? — спросил Воронцов, доставая сигареты, но не закуривая в чужой квартире.

— Да Витьке соседскому. С восьмого дома. Соколову. Он же мастеровой, всё чинит. Машина у меня стояла, ржавела, я уж и не ездил по здоровью. А Витёк говорит: дед, продай, я почию, пользоваться буду. Ну я и продал. По дешёвке, за десять тыщ.

— А переоформили? — уточнил Григорьев.

— Да куда там переоформлять, — махнул рукой Петров. — Сказал, потом сделаем, некогда ему. Так на меня и висит. А что случилось-то? Натворил чего Витёк?

— Разбираемся, Геннадий Иванович. — Воронцов поднялся. — А не знаете, где он машину держит? Гараж у него есть?

— Есть, как же. В «Сигнале», за рынком. Бокс... — старик задумался. — Сорок второй, кажись. Или сорок третий. Рядом с моим был когда-то, я свой давно продал, а его помню. Угловой такой, у самого забора.

Уже в машине Григорьев не сдержал торжества:

— Александр Сергеевич! У нас есть всё! Кооператив «Сигнал», бокс сорок два или сорок три, угловой, у забора! Поехали брать!

— Тпру, студент. — Воронцов придержал его за рукав. — Куда ты собрался? Вот сейчас мы приедем, ломанём гараж, а там — пусто. Соколова нет, товара нет. И что? Спугнули, насторожили. Он заляжет на дно, и ищи его потом по всему городу. Нет. Так не пойдёт.

— А как?

— Сначала — проверим. Тихо. Убедимся, что гараж тот самый, что он туда ходит. Понаблюдаем. А когда поймём его режим — устроим засаду. Дождёмся, когда он придёт с товаром или за товаром. И возьмём с поличным. Чтоб не отвертелся. — Воронцов завёл мотор. — Терпение, Игорь. Мы его уже почти поймали. Не хватало на последнем шаге всё запороть из-за спешки.

Они подъехали к кооперативу «Сигнал» — унылым рядам металлических и кирпичных боксов, тянувшихся за рынком вдоль железнодорожной насыпи. Воронцов оставил машину поодаль, и дальше они пошли пешком, неторопливо, как два мужичка, забредшие к своему гаражу субботним утром.

Бокс сорок два оказался кирпичным, угловым, у самого забора — всё, как описал дед. Ворота крепкие, новые, с массивным навесным замком. Воронцов медленно прошёл мимо,

цепким взглядом фиксируя детали: свежие следы протекторов на земле перед воротами, отсутствие пыли на петлях — значит, ими часто пользуются. У основания ворот валялись окурки — кто-то здесь стоял, курил, ждал.

— Бывает тут наш Витёк, — тихо сказал Воронцов, проходя дальше, чтобы не маячить у самого гаража. — И часто бывает. Видишь окурки? Свежие. Земля под воротами укатанная, машина регулярно заезжает. Это его нора.

— Может, заглянуть в щёлку? — предложил Григорьев, кивая на узкое окошко под крышей.

— Не суетись. — Воронцов остановился у соседнего бокса, где пожилой мужичок копался в двигателе старенькой «Нивы». — Доброе утро, хозяин. Бог в помощь.

— И вам не хворать, — отозвался мужичок, вытирая руки ветошью.

— Слышь, друг, а вон тот угловой, сорок второй, — Воронцов кивнул на гараж Соколова, — чей? Я гараж присматриваю купить, говорили, в этом ряду продаётся какой-то.

— Сорок второй? — мужичок прищурился. — Не, этот не продаётся. Витька там хозяйничает. Мужик такой, лет под пятьдесят, неразговорчивый. Приезжает на копейке бежевой, всё больше по вечерам да по ночам. Чего-то возит, таскает. Я не лезу, не моё дело.

— А днём бывает?

— Редко. Вечером чаще. Вчера вот приезжал, часов в девять, до полуночи копался. Свет горел.

Воронцов поблагодарил, и они с Григорьевым неторопливо двинулись к выходу из кооператива.

— Вечером и ночью, — задумчиво проговорил Воронцов, когда они отошли подальше. — Логично. Днём он на «работе» — по квартирам шарит, пока хозяева отсутствуют. А вечером свозит добычу в гараж, сортирует, готовит к сбыту. Режим у человека. Как на заводе.

— Значит, засаду надо ставить вечером, — заключил Григорьев.

— Соображаешь. — Воронцов закурил наконец, с наслаждением. — Но не сегодня. Сегодня мы подготовимся. Жмыхову доложим, группу захвата запросим, всё оформим как положено. Чтоб с понятыми, с протоколом обыска, с санкцией. Чтоб комар носа не подточил. А завтра вечером сядем в засаду и будем ждать, когда наш аккуратист приедет со свежим уловом.

Они вернулись к машине. Воронцов уже взялся за ручку, когда Григорьев вдруг тронул его за плечо:

— Александр Сергеевич. Смотрите.

В дальнем конце улицы, медленно объезжая лужи, к кооперативу подкатывала бежевая «копейка» — ржавая, помятая, точь-в-точь как описывал ломбардщик. За рулём угадывался силуэт мужчины в кепке.

— Лёгко на помине, — выдохнул Воронцов, мгновенно отступая за угол гаражного ряда и утягивая за собой Григорьева. — Витёк собственной персоной. Днём приехал, не по графику. Что-то сорвалось у человека.

Они затаились. «Копейка» подъехала к боксу сорок два, остановилась. Из неё вылез мужчина — лет сорока пяти-пятидесяти, среднего роста, в серой куртке и кепке, неприметный, каких тысячи. Он огляделся по сторонам — быстро, привычно, профессионально, — открыл замок, поднял ворота и заехал внутрь. Через минуту вышел, неся в руках большую спортивную сумку, заметно тяжёлую. Сунул её в багажник, вернулся в гараж.

— Александр Сергеевич, — зашептал Григорьев, и в голосе его звенело нетерпение. — Он же сейчас уедет! С товаром! Вот он, прямо перед нами! Берём!

— Тихо! — прошипел Воронцов, вцепившись в локоть напарника. — Стоять. Мы вдвоём, без группы, без оружия наготове. А он — рецидивист, дважды судимый. Может, у него там в гараже не только серёжки, но и ствол, и нож. Полезем наскоком — либо он уйдёт, либо кого из нас порежет. Ты этого хочешь?

— Но он уедет! — Григорьев аж подрагивал от азарта. — Уйдёт, и опять ищи его!

— Не уйдёт. — Воронцов был спокоен, как удав. — Запиши номер, мы и так знаем, где он живёт и где гараж. Зафиксируем, что приезжал, грузил сумку. Это уже основание. А брать будем грамотно. Завтра. С группой. Я тебе сказал — терпение.

Григорьев стиснул зубы, но подчинился. Он смотрел, как Соколов запирает гараж, садится в «копейку», заводит чихающий мотор и медленно уезжает прочь, увозя в багажнике сумку с чужим добром. Каждая клеточка молодого опера рвалась в бой, кричала, что преступник уходит, что надо действовать, хватать, вязать. Но Воронцов держал его железной хваткой, и Григорьев только бессильно сжимал кулаки.

— Вот так, студент, — сказал Воронцов, когда «копейка» скрылась за поворотом. Он закурил, руки его не дрожали. — Видел? Вот он, наш клиент. Живой, настоящий, с краденым в багажнике. И мы его отпустили. Знаешь почему?

— Потому что не были готовы, — глухо ответил Григорьев.

— Именно. Героем погибнуть легко. А вот взять гада так, чтоб он сел и не выкрутился, — это работа. — Воронцов выпустил дым. — Сейчас поедem в отдел. Доложим Жмыхову, оформим всё. А завтра вечером вернёмся. С группой захвата, с понятыми, с санкцией прокурора на обыск. И возьмём его тёпленьким, прямо в гараже, с поличным. Чтоб ни один адвокат не отмазал. Понял теперь, что такое терпение?

Григорьев медленно кивнул. Азарт постепенно отпускал, уступая место пониманию. Он смотрел на пустую улицу, где только что был преступник, которого они могли схватить — и не схватили. И впервые по-настоящему осознал разницу между желанием поймать и умением поймать.

— Понял, Александр Сергеевич, — тихо сказал он. — Завтра возьмём.

— Возьмём, — кивнул Воронцов, направляясь к машине. — Если ничего не сорвётся. А в нашем деле, студент, всегда что-нибудь да срывается. Так что не расслабляйся раньше времени.

Они сели в «Форд». Воронцов завёл мотор, и машина, недовольно зачихав совсем как соколовская «копейка», покатила обратно в отдел — готовить капкан, в который завтра вечером должен был угодить аккуратный, осторожный и до сих пор уверенный в своей безнаказанности Виктор Анатольевич Соколов.

Глава 6. Конфликт поколений

Жмыхов выслушал доклад, барабанил толстыми пальцами по столу, и лицо его становилось всё кислее.

— Значит, так. — Он сложил руки домиком. — Группу захвата дам. Но не сегодня. Завтра. Сегодня все на выезде — поножовщина на Заводской, два трупа, мне людей не хватает катастрофически. А санкцию на обыск гаража прокурор раньше завтрашнего полудня не подпишет, у него своя бюрократия.

— Пётр Аркадьевич, — нахмурился Воронцов, — а если он за ночь товар вывезет? Сегодня днём приезжал не по графику, сумку забрал. Чует он что-то.

— А ты что предлагаешь? — Жмыхов развёл руками. — Чтоб я тебе незаконно, без санкции, гараж вскрыл? Чтоб потом адвокат всё дело развалил? Сам же меня учил, старый чёрт. Терпение. Завтра, Саша. Всё завтра. А сегодня — наблюдайте, фиксируйте, но не лезьте. Это приказ.

Воронцов вышел из кабинета начальника мрачнее тучи. Григорьев ждал в коридоре, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

— Ну что? Когда берём?

— Завтра. — Воронцов закурил прямо в коридоре, плюнув на запреты. — Группы нет, санкции нет. Сегодня только пасём. Жмыхов запретил соваться.

— Завтра?! — Григорьев аж задохнулся от возмущения. — Александр Сергеевич, да он же за ночь всё вывезет! Вы сами сказали — он занервничал! Мы упустим его! Столько работы — и всё впустую из-за бумажки!

— Не из-за бумажки, а из-за закона, — устало ответил Воронцов. — Без санкции мы туда зайти не имеем права. А зайдём — суд всё выкинет, и Соколов выйдет чистеньким. Ты же юрист, красный диплом, сам должен понимать.

— Я понимаю! — Григорьев распалялся, голос звенел. — Но это же абсурд! Преступник вот он, мы знаем, где он, что он ворует, где прячет! А мы сидим и ждём бумажку, пока он уйдёт! Это и есть ваша хваленая система? Это и есть работа?

Воронцов медленно повернулся к напарнику. В глазах его не было злости — была та самая бездонная усталость.

— Тише. — Голос его был ровным, но в нём чувствовалась сталь. — Не на митинге. Запомни, студент: эмоции в нашем деле — первый враг. Ты сейчас злишься, и от злости готов наделать глупостей. А глупости стоят дорого. Иногда — жизни. Иди домой. Остынь. Завтра поговорим на свежую голову.

Но Григорьев не остыл. Весь вечер он мерил шагами свою съёмную комнату на Тихорецкой, и внутри у него всё кипело. Перед глазами стояла Зинаида Петровна с её заплаканными глазами, обручальное кольцо с гравировкой «Зине от Коли», бежевая «копейка», увозящая краденое. Преступник был в двух шагах. А они ждали бумажку.

«Восемнадцать лет, — думал Григорьев с горечью молодости, которая всё видит в чёрно-белом цвете. — Восемнадцать лет, и он научился только ждать и бояться начальства. Растерял весь огонь. А я не хочу так. Я не хочу через восемнадцать лет смотреть в трещину на стене и ждать пенсии».

Около десяти вечера он не выдержал. Натянул куртку, сунул в карман служебное удостоверение — оружие ему, стажёру, ещё не выдали — и вышел в дождливую ночь. «Только посмотрю, — убеждал он себя, ловя машину. — Только проверю, на месте ли он. Если вывозит товар — позвоню Воронцову, и пусть тогда хоть Жмыхов, хоть прокурор. А если всё тихо — никто и не узнает».

Так молодость уговаривает себя на глупости — шаг за шагом, каждый из которых кажется разумным.

Кооператив «Сигнал» ночью был совсем другим — тёмным, мокрым, зловещим. Редкие фонари выхватывали из мрака ряды боксов, лужи блестели, как чёрные зеркала. Григорьев пробрался к угловому гаражу номер сорок два, прячась в тени. Сердце колотилось.

В боксе горел свет. Узкая полоска пробивалась из-под ворот и из щели окошка под крышей. Изнутри доносились звуки — что-то двигали, чем-то гремели. Соколов был там. И, судя по звукам, действительно собирался — упаковывал, грузил.

«Вывозит! — мелькнуло у Григорьева. — Я был прав! Сейчас он всё увезёт, и завтра брать будет нечего!»

Надо было позвонить Воронцову. Это было единственно правильное решение. Григорьев даже достал телефон, нашёл номер. Но палец завис над кнопкой. «И что я ему скажу? Что приехал сюда вопреки приказу? Он меня отчитает, велит уезжать, а пока приедет — Соколов уйдёт. Нет. Я хотя бы посмотрю, что он грузит. Подберусь ближе».

Григорьев тихо двинулся вдоль стены к окошку. Хотел заглянуть, оценить, зафиксировать. Под ногой хрустнул битый кирпич — оглушительно громко в ночной тишине.

Звуки в гараже мгновенно стихли.

Григорьев замер, вжавшись в холодную кирпичную стену. Сердце бухало так, что, казалось, слышно на весь кооператив. Секунда. Две. Три. Тишина.

А потом ворота с грохотом распахнулись, и в проёме возник Соколов — кряжистый, с монтировкой в руке, с лицом, на котором не было ни страха, ни паники, только холодная звериная настороженность зверя, который семь лет на воле и не намерен возвращаться обратно.

— Кто здесь? — рыкнул он, шаря глазами по темноте.

Григорьев понимал, что нужно тихо отступить, раствориться в темноте. Но молодость и азарт сделали своё дело. Он шагнул вперёд, выхватывая удостоверение:

— Полиция! Уголовный розыск! Стоять, Соколов!

Это была роковая ошибка. Он назвал фамилию. Он выдал, что его пасут, что знают, кто он. Глаза Соколова сузились.

— Один, мент? — процедил он, перехватывая монтировку поудобнее. — Молодой, зелёный. Один припёрся, дурачок.

Он не стал убегать. Он шагнул на Григорьева — быстро, неожиданно для своей комплекции. Григорьев, обученный в армии рукопашке, попытался уйти от удара, перехватить руку. Но Соколов был не уличным гопником — он был битым, тёртым, дравшимся на зоне. Монтировка свистнула, и хотя Григорьев успел уклониться от головы, удар пришёлся вскользь по плечу. Боль обожгла руку. Григорьев охнул, отшатнулся, поскользнулся на мокром асфальте и упал.

Соколов навис над ним, занося монтировку для второго удара — уже наверняка, по голове. В тусклом свете фонаря лицо его было страшным, решившимся. Григорьев вскинул здоровую руку, понимая, что не успеет, что сейчас...

Грохнул выстрел.

Пуля ударила в асфальт у самых ног Соколова, брызнув крошкой. Тот замер, обернулся.

Из темноты, прихрамывая и тяжело дыша, выходил Воронцов. В вытянутой руке — табельный пистолет, направленный точно в грудь Соколову. Лицо опера было страшным — не от злости, от чего-то более глубокого.

— Брось железку, Витя, — сказал он негромко, но так, что было ясно: выстрелит без колебаний. — Брось, я сказал. Второй раз в воздух стрелять не буду. Следующая — в брюхо. И поверь старику — это очень больно и очень долго.

Соколов смотрел на ствол, на руку, которая не дрожала, в глаза человека, который явно умел и готов был стрелять. Расчёт зверя сработал мгновенно: монтировка против пистолета — проигрыш. Он медленно разжал пальцы. Железо звякнуло об асфальт.

— Лицом вниз. Руки за голову. — Воронцов не опускал оружия. — Игорь, ты живой?
— Живой, — простонал Григорьев, поднимаясь, держась за плечо. — Плечо... зацепил.
— Наручники у тебя?
— Есть...
— Вяжи его. Быстро.

Григорьев, морщась от боли, защёлкнул наручники на заведённых за спину руках Соколова. Только теперь, когда вор лежал на мокром асфальте, до молодого опера начало доходить, что произошло. Что он чуть не погиб. Что он нарушил приказ, полез один, спугнул преступника, едва не завалил всю операцию и едва не оставил на этом асфальте свою голову.

Воронцов наконец опустил пистолет. Подошёл, тяжело дыша, — видно, бежал, гнался. Посмотрел на сидящего на земле напарника, на его разбитое в кровь плечо, на бледное, испуганное лицо. И в этом взгляде смешалось всё — и облегчение, и ярость, и что-то отеческое.

— Живой, — выдохнул он. И вдруг рывкнул так, что Григорьев вздрогнул: — Ты что натворил, сопляк?! Кто тебе разрешил?! Я тебе что сказал — домой, остынь! А ты?! Ты понимаешь, что тебя сейчас чуть не убили?! Что я тебя по асфальту в мешке собирал бы?!

— Александр Сергеевич, я...

— Молчи! — Воронцов был вне себя. Руки у него теперь дрожали — отпустило, схлынул адреналин. — Молчи, ради бога. Я ж тебе говорил! Эмоции — первый враг! Героем погибнуть легко! А ты... ты ж как Серёга... один полез, без прикрытия...

Он осёкся. Отвернулся, закурил трясущимися руками. Григорьев молчал, опустив голову. Соколов на асфальте хрипло усмехнулся:

— Воспитываешь молодёжь, начальник? Поздно. Сдал бы он меня концы...

— Заткнись, — бросил Воронцов, не оборачиваясь. Затянулся глубоко, помолчал, успокаиваясь. Потом достал телефон, набрал. — Колян? Воронцов. Высылай группу на «Сигнал», гараж сорок два. Взяли Соколова. И скорую — у меня стажёр ранен, плечо, ничего серьёзного, но пусть глянут. Да. Сам. Один. Потом объясню.

Он убрал телефон, повернулся к Григорьеву. Сел рядом с ним прямо на мокрый бордюр, тяжело, по-стариковски. Помолчал. Достал вторую сигарету, протянул напарнику. Тот взял дрожащей рукой.

— Откуда вы узнали? — тихо спросил Григорьев. — Что я здесь?

— А я и не узнал. — Воронцов горько усмехнулся. — Я сам сюда приехал. Понаблюдать. Не доверял я этой тишине, чуял — Соколов дёрнется ночью. Сидел вон там, в машине, в тенёчке. И тут смотрю — мой студент крадётся вдоль стены, как тать в ночи. У меня аж сердце оборвалось. — Он затянулся. — Не успел тебя перехватить. Ты уже хрустнул кирпичом этим чёртовым.

Григорьев молчал. Стыд жёг его сильнее, чем разбитое плечо.

— Я думал... — выдавил он наконец. — Я думал, он товар вывозит. Хотел проверить. Я хотел как лучше.

— Как лучше, — повторил Воронцов с непередаваемой интонацией. — Знаешь, сколько народу полегло с этим «хотел как лучше»? Целые кладбища. — Он помолчал. — А товар он и правда паковал. Вон, в гараже, гляди. Так что чутьё у тебя есть. И смелость есть. Чего нет — головы на плечах и терпения. Смелость без головы — это не героизм, студент. Это самоубийство. И, что хуже, ты бы и меня под монастырь подвёл. Завалил бы операцию, выпустили бы гада за процессуальные нарушения.

Вдалеке завывали сирены — приближалась группа. Замигали синие отблески на мокрых стенах гаражей.

— Александр Сергеевич, — глухо сказал Григорьев, глядя в асфальт. — Вы... доложите Жмыхову? Как было? Что я нарушил приказ, полез один?

Воронцов долго молчал, глядя на приближающиеся огни. Затянулся в последний раз, бросил окуроч в лужу — тот зашипел и погас.

— Завтра разберёмся, — сказал он наконец непонятно. — Сейчас вставай. Группа едет. И помалкивай пока. Говорить буду я.

Он поднялся, протянул напарнику руку — крепкую, надёжную. Григорьев ухватился здоровой рукой, встал. Плечо горело, но он почти не чувствовал боли — слишком много всего навалилось. Стыд, страх, облегчение, благодарность.

— Спасибо, — тихо сказал он. — Что спасли. Что выстрелили.

— Не благодари, — буркнул Воронцов, глядя на скрученного Соколова, которого уже поднимали подъехавшие омоновцы. — Я не тебя спасал. Я себя спасал. Не хотел второго Серёгу хоронить. Не пережил бы.

И в этих грубоватых, ворчливых словах было больше тепла, чем в любых других. Григорьев это понял. И впервые за весь сумасшедший вечер почувствовал, что, кажется, начинает по-настоящему понимать своего напарника — этого циничного, усталого, но не растерявшего главного человека.

Соколова усадили в машину. Гараж опечатали до завтрашнего обыска. Дождь всё моросил, мелкий и бесконечный. А два опера — старый и молодой — стояли посреди мокрого гаражного кооператива, и между ними впервые пролегло то невидимое, что связывает людей крепче любых приказов и инструкций. То, что рождается, когда один спасает другому жизнь.

Глава 7. Засада

Утром в кабинете Жмыхова былолюдно и накурено — что само по себе говорило о серьёзности момента, потому что начальник терпеть не мог дым. Воронцов сидел напротив, Григорьев — рядом, с рукой на перевязи. Плечо оказалось не сломано, только сильный ушиб и рассечение, но фельдшер на всякий случай зафиксировал.

— Ну, рассказывай, герой, — Жмыхов смотрел на Воронцова исподлобья. — Как так вышло, что задержание прошло ночью, без группы, без санкции, со стрельбой и раненым стажёром? Я же ясно сказал — завтра. С группой. По уму.

Воронцов затушил окурок, выдержал паузу.

— Так и вышло, Пётр Аркадьевич. Я поехал ночью на наблюдение. Один. Решил подстраховаться — чуял, что Соколов будет вывозить товар. И не ошибся. Гляжу — он в гараже, грузится. А тут на шум вылез сторож из соседнего кооператива, мужичок подвыпивший, начал орать. Соколов запаниковал, схватил монтировку, кинулся на постороннего. Я обозначил себя, он попёр на меня. Пришлось стрелять в воздух и брать.

Жмыхов прищурился. Версия была гладкая. Слишком гладкая.

— А стажёр откуда взялся? Ночью? С его слов в рапорте — он тоже на наблюдении был. По твоему приказу.

— По-моему, — невозмутимо кивнул Воронцов. — Я ему велел подстраховать с дальней точки. На случай, если Соколов уйдёт дворами. Он и подстраховал. Когда тот на меня кинулся, Григорьев подбежал помочь, принял удар монтировкой. Если б не он — мне бы досталось. Считаю, прикрыл старшего по званию.

Григорьев сидел ни жив ни мёртв. Он понимал, что Воронцов сейчас врёт начальству — спокойно, гладко, профессионально. Врёт, чтобы прикрыть его, Григорьева, идиотскую самоволку. Превращает его позорный проступок в почти героизм. И от этого было ещё более стыдно.

Жмыхов долго смотрел на обоих. Он был старый волк и чуял запах вранья за версту. Но он также понимал: вор взят, с личным, товар изъят, дело раскрыто. А раскрытие — это галочка, это показатели, это спокойствие начальства повыше. Копать под собственный успех — себе дороже.

— Складно, — наконец процедил он. — Ох, складно поёшь, Воронцов. Прямо соловей. — Он перевёл взгляд на Григорьева. — А ты что молчишь, лейтенант? Подтверждаешь?

Григорьев открыл было рот. Внутри всё кричало: сказать правду, не прятаться за спину напарника, ответить за свою глупость как мужчина. Но он поймал короткий, жёсткий взгляд Воронцова — «молчи, я сказал» — и сглотнул.

— Так точно, товарищ подполковник, — глухо сказал он. — Всё так и было.

— Угу. — Жмыхов хлопнул ладонью по столу. — Ладно. Соколов взят, и это главное. Дело за следствием. Но запомни, Воронцов: ещё одна такая самостоятельность ночью без доклада — и я тебя самого посажу, к чёртовой матери. Понял?

— Понял, Пётр Аркадьевич. Как не понять.

Когда они вышли из кабинета, Григорьев не выдержал:

— Александр Сергеевич, зачем вы соврали? Я виноват, я нарушил приказ. Надо было сказать, как есть. Я готов отвечать.

Воронцов остановился, посмотрел на него устало.

— Готов он отвечать. — Хмыкнул. — А толку? Тебя бы из органов поперли в первую же неделю с волчьим билетом. Закончилась бы твоя карьера, не начавшись. И ради чего? Чтобы ты гордо постоял на принципе? Принципы, студент, хороши, когда они кому-то нужны. А твоя

честность сейчас никому не нужна была — только тебе, для самоуспокоения. — Он закурил. — Я тебе один раз соврал начальству, чтоб спасти. Больше не буду. Это аванс. Понял? Один раз.

Григорьев молча кивнул. Он понимал — это и был тот самый урок, которому в академии не учат. Урок о том, что иногда ложь спасает, а правда губит. И что граница между ними тоньше волоса.

Соколов между тем сидел в ИВС и молчал. На допросах твердил одно: «Гараж не мой, товар не мой, монтировкой махал, потому что напали в темноте, думал — грабители». Дважды судимый, он знал систему изнутри и понимал: пока нет железных доказательств его причастности к кражам, можно тянуть. Отпечатков в квартирах не нашли — работал в перчатках. Краденое в гараже было, но Соколов уверял, что гараж арендовал недавно у какого-то мужика, а что внутри лежало — не знал.

— Хитрый, гад, — Воронцов мерил шагами кабинет. — Отпирается грамотно. Кравченко на него показал, но Кравченко — соучастник, его показания адвокат на суде разнесёт: оговор, мол, чтобы себе срок скостить. Ломбардщик Аркадий опознал, но и его слова — слова барыги, тоже сомнительные. Нужно что-то железное. Что-то, что привяжет Соколова к конкретной краже намертво.

— А отпечатки на украденных вещах? — предложил Григорьев, листая опись изъятых из гаража. — Он же их руками брал, сортировал, паковал.

— На вещах — может быть. Эксперты работают. Но он скажет — купил с рук, не знал, что краденое. — Воронцов остановился. — Нет, нужно другое. Нужно, чтоб он сам себя выдал. Или чтоб появился свидетель, который видел его на месте преступления.

В этот момент зазвонил телефон. Дежурный.

— Сергеич, тут такое дело. — Голос Коляна был встревоженный. — Только что заявление поступило. Ещё одна квартирная кража, на Полевой, дом десять. Сегодня утром. Хозяйка ушла на работу, вернулась — вынесли всё подчистую. Замок целый.

Воронцов и Григорьев переглянулись.

— Полевая, десять? — медленно проговорил Воронцов. — Это рядом с домом Соколова. Но Соколов-то у нас сидит со вчерашней ночи. Как он мог...

— В том и заковыка, — продолжил Колян. — Кража-то сегодняшняя. А ваш фигурант в камере. Значит, не он.

Воронцов медленно опустился на стул. В голове что-то щёлкнуло — то неприятное чувство, когда стройная картина вдруг даёт трещину.

— Игорь, — тихо сказал он. — А ведь это меняет дело. Если Соколов сидит, а кражи продолжаются тем же почерком — замок целый, хозяйка по расписанию ушла... значит, либо это совпадение, либо...

— Либо Соколов работал не один, — закончил Григорьев.

— Вот именно. — Воронцов поднялся, схватил куртку. — Поехали на Полевую. Срочно. Пока след горячий.

Квартира на Полевой, десять, оказалась точной копией предыдущих мест преступления — никаких следов взлома, чисто вынесено золото, деньги, мелкая техника. Хозяйка, женщина лет сорока, медсестра, причитала и заламывала руки.

— Я ж на сутки заступала, в больнице. С восьми утра. Каждую вторую субботу. Все соседи знают. И этот, новый участковый, тоже знает, он анкету заполнял на той неделе...

Воронцов резко повернулся к ней.

— Какой участковый? Семёнов?

— Да, кажется. Молодой такой, представительный. Всё про распорядок выспрашивал — когда дома, когда на работе. Я ещё подумала — какой дотошный.

Воронцов и Григорьев вышли на лестничную площадку. Воронцов был мрачен.

— Чуешь, студент? — тихо сказал он. — Новый участковый. Семёнов. Который пришёл на место Кравченко. Который заполнял анкеты у этой потерпевшей. А Соколов сидит.

— Думаете, Семёнов?.. — Григорьев осёкся. — Но он же сам к нам приходил, помогать вызвался.

— Вот именно. Сам пришёл. — Воронцов закурил прямо на площадке. — Помнишь, я тебе говорил — иногда всё слишком складно? Кравченко собирал данные, передавал Соколову. Кравченко сломался, ушёл. И тут — оп! — появляется новый участковый, который тоже собирает данные. А Соколов, между прочим, когда мы его брали, вёл себя странно уверенно. Будто знал, что отмажется. Будто у него есть прикрытие посерьёзнее сломленного Кравченко.

— Прикрытие, — снова повторил Григорьев это преследующее их слово.

— Слушай меня. — Воронцов понизил голос. — Кравченко был жертвой. Слабак, которого шантажом загнали в угол. Но кто-то же его шантажировал. Кто-то знал про его взятку, сфотографировал. Откуда у простого слесаря Соколова такие возможности — следить за участковым, ловить момент передачи денег? Это работа человека, который сам в системе. Который умеет вести наблюдение. Который знает, как ломать своих.

Григорьев почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Вы думаете, за Соколовым и Кравченко стоит кто-то третий? Кто-то из наших?

— Я думаю, что мы взяли исполнителя, а не организатора, — Воронцов выбросил окурок. — Соколов — руки. Кравченко — наводчик поневоле. А голова — кто-то ещё. И этот кто-то сейчас спокойно ходит в форме и заполняет анкеты у будущих жертв. И продолжает кражи, пока Соколов сидит и молчит, потому что боится организатора больше, чем нас.

Они вернулись в отдел. Воронцов первым делом поднял личное дело лейтенанта Семёнова. Читал долго, хмуясь.

— Интересно. — Он постучал пальцем по странице. — Семёнов Андрей Викторович. Переведён в наш район три недели назад. Аккурат, когда уволился Кравченко. А до этого служил... смотри-ка... в том же РОВД, что и Соколов когда-то проходил по второму делу. Пересекались. Теоретически могли знать друг друга.

— Это ещё не доказательство, — осторожно заметил Григорьев, помня вчерашние уроки.

— Не доказательство, — согласился Воронцов, и в глазах его мелькнуло одобрение — студент учился. — Это версия. Направление. Но направление хорошее. Знаешь, что мы сделаем? Мы устроим засаду. Настоящую. Грамотную. По уму.

— На Семёнова?

— На того, кто придёт за товаром в гараж Соколова. — Воронцов разложил на столе план кооператива «Сигнал». — Смотри. Соколов сидит. Если у него есть подельник, и подельник — организатор, то этот организатор занервничает. В гараже остался товар, который мы при ночном задержании толком не изъяли — опечатали бокс, но обыск-то только завтра по санкции. А там добра на хорошие деньги. Жадность, студент. Она сильнее страха. Подельник попытается вынести товар до обыска. Сегодня ночью. Последний шанс.

— А мы будем ждать.

— А мы будем ждать. Но на этот раз — правильно. — Воронцов снял трубку. — С группой. С санкцией. С прикрытием. И без всякой самодеятельности. Понял меня, ночной скакун?

Григорьев покраснел, но кивнул.

К ночи всё было готово. Жмыхов, узнав о новом повороте и о возможной причастности своего же участкового, поначалу рвал и метал — «опять подстава отделу, опять оборотни в погонах», — но санкцию на засаду дал и группу выделил. Слишком серьёзно пахло, чтобы отмахиваться.

Кооператив «Сигнал» снова окутала ночь — тёмная, сырая, насторожённая. Но теперь всё было иначе. В соседних боксах, заранее открытых и подготовленных, затаились бойцы группы захвата. Воронцов с Григорьевым сидели в неприметном «жигулёнке» с хорошим обзором.

ром на гараж сорок два. Григорьев — теперь с табельным оружием, которое ему выдали под расписку специально для операции.

— Главное — не дёргайся раньше времени, — в сотый раз повторял Воронцов, не отрывая глаз от опечатанного гаража. — Ждём, пока он войдёт, начнёт грузить. Чтоб с поличным, на товаре. Команда — по моему сигналу. Не раньше. Усвоил?

— Усвоил, Александр Сергеевич, — твёрдо ответил Григорьев. На этот раз — действительно усвоил.

Часы тянулись мучительно. Дождь барабанил по крыше машины. Воронцов выкурил полпачки. Григорьев напряжённо вглядывался в темноту, борясь со сном и адреналином одновременно.

Около двух часов ночи в дальнем конце улицы показалась машина. Без фар. Медленно, крадучись, она подкатила к кооперативу и остановилась поодаль. Из неё вышел человек. Огляделся — профессионально, привычно, как умеют только те, кто сам учил других вести наблюдение. И двинулся к гаражу сорок два, держа в руке кусачки — сбивать милицейскую печать.

— Идёт, — выдохнул Воронцов, подаваясь вперёд. — Идёт, голубчик. Тихо, Игорь. Тихо. Человек подошёл к воротам. В свете фонарика, который он зажёл, мелькнуло лицо. Воронцов прищурился — и узнал. Это был не Семёнов.

Это было лицо, которое он хорошо знал. Лицо, которое он много раз видел в родном отделе.

— Мать честная, — прошептал Воронцов, и в голосе его была не злость, а горькое, тяжёлое узнавание. — Вот оно что. Вот кто всё это время...

Григорьев не видел лица, но почувствовал, как напрягся напарник.

— Кто это? — шепнул он. — Семёнов?

— Хуже, студент, — глухо ответил Воронцов, берясь за рацию. — Гораздо хуже. Это свой. Совсем свой.

Человек у гаража перекусил печать, взялся за замок. Воронцов поднёс рацию к губам, помедлил одно мгновение — последнее мгновение перед тем, как разрушить что-то, во что он не хотел верить, — и нажал тангенту:

— Всем группам. Работаем. Брать живым.

Ночь взорвалась светом фар, криками «Лежать! Полиция!» и топотом бойцов. Человек у гаража метнулся было в сторону, выхватывая из-за пояса пистолет, — и тут стало окончательно ясно, что это не случайный воришка, а кто-то, кто готов стрелять в своих. Грохнул выстрел, потом ещё. Пуля ушла в темноту, бойцы залегли. Засада, которая должна была пройти гладко, обернулась перестрелкой — короткой, злой, ночной.

Воронцов толкнул Григорьева вниз, на сиденье:

— Не высовывайся! У него ствол!

Сам он выкатился из машины, перекатился за колесо, вскинул пистолет. В прыгающем свете фар, под холодным осенним дождём, посреди гаражного кооператива, начиналась самая неприятная схватка в его восемнадцатилетней карьере — схватка со своим. С тем, кого он знал. С тем, кто всё это время был рядом и дёргал за ниточки, пока два опера — старый и молодой — распутывали клубок, не подозревая, что главная нить ведёт в их собственный отдел.

— Бросай оружие! — крикнул Воронцов в темноту, и голос его эхом заметался между гаражами. — Всё кончено! Тебе некуда бежать!

В ответ грохнул ещё один выстрел. И Воронцов понял: легко этой ночью не будет. Совсем не будет.

Глава 8. Двойной агент

Перестрелка длилась недолго. Человек у гаража стрелял грамотно — короткими, расчётливыми выстрелами, отступая между боксами, прикрываясь углами. Так стреляют не уличные бандиты, а те, кого учили в системе. Та же выучка, что и у самого Воронцова.

— Не подставляйтесь! — рявкнул командир группы из-за бетонной плиты. — Берём в коробочку! Сухов, Петров — слева в обход! Перекрыть выезд!

Воронцов, пригнувшись, перебежал к крайнему гаражу. Сердце колотилось, но руки были спокойны. Восемнадцать лет научили отделять страх от дела. Он выглянул из-за угла. Стрелявший залёг за бетонной плитой у самого забора, в тупике. Бежать было некуда — выезд перекрыли, забор высокий, с колючкой поверху.

— Слушай меня! — крикнул Воронцов в темноту. — Ты обложен! С трёх сторон бойцы, сзади забор! Патроны посчитай — у тебя «макаров», обойма на исходе! Кончай дурить! Брось ствол!

Молчание. Потом — усталый, злой голос из-за плиты:

— Воронцов, ты, что ли?

И тут Воронцова пробрало холодом до самых костей. Потому что голос он узнал. Голос человека, с которым не раз пил чай в дежурке, делил сигареты в курилке, ездил на выезды. Голос Коляна. Дежурного. Румяного добродушного детины с вечной кружкой в руках, который сегодня вечером сам же по телефону докладывал о новой краже на Полевой.

— Колян? — Воронцов даже не сразу поверил. — Николай? Ты?!

— Я, Сергеич. Я. — Голос за плитой был странно спокойным, почти обречённым. — Не лезь. Уйди по-хорошему. Не хочу в тебя стрелять. В остальных — плевать, а в тебя не хочу.

Григорьев, не усидевший в машине и подобравшийся следом, замер рядом с Воронцовым, вжавшись в стену. Лицо его было белым в свете фар.

— Колян?.. — прошептал он. — Дежурный наш? Не может быть...

— Может, студент, — глухо ответил Воронцов. — Ещё как может. — И крикнул в темноту: — Николай, ты соображаешь, что несёшь? Стрелять в опера собрался? В своих? Ты же мент, Коля! Двадцать лет в органах!

— Двадцать два, — поправил голос из-за плиты, и в нём прорезалась горькая усмешка. — Двадцать два года, Сергеич. И знаешь, что я за эти годы нажил? Кукиш. Дежурку вонючую, оклад нищенский, жену, которая ушла, и язву. Двадцать два года смотрел, как мимо меня барыги на «мерседесах» ездят, как ворьё в особняках живёт. А я — на чае с сухарями. Надоело.

Воронцов слушал, и в груди ворочалось что-то тяжёлое. Он знал эту песню. Сам её иногда напевал про себя, по ночам, на пустой кухне с котом и пол рюмкой водки. Разница была в том, что он не пошёл воровать. А Колян — пошёл.

— И ты решил поправить дела, — медленно сказал Воронцов, оттягивая время, давая бойцам зайти в обход. — Через Соколова. Через бабкины серёжки. Красиво.

— А что мне оставалось? — В голосе Коляна зазвучала злая обида. — Я ж дежурный! Через меня вся информация по району течёт! Кто заявление подал, кто в отпуске, у кого что вынесли, какие висяки лежат и не движутся! Грех такой ресурс не использовать! Я наводки давал, Соколов работал, Кравченко данные по квартирам собирал — под моим, между прочим, нажимом. А я всё контролировал. И прикрывал. Кражи на нашем районе — кто их толком расследует? Сами знаете. В долгий ящик — и забыли.

— А Кравченко? — крикнул Воронцов. — Это ты его со взяткой сфотографировал? Ты мужика сломал?

— Я, — без тени стыда ответил Колян. — А что? Он сам взятку взял, не я ему в карман пихал. Я только зафиксировал и попользовался. Слабак он, Кравченко. Раскис, уволился, чуть всё не спалил. А тут вы влезли со своим студентом. Носом землю роете, как два кабана.

Воронцов скрипнул зубами. Всё сходилось. Колян — дежурный — был идеальным организатором. Через него проходила вся информация. Он знал ход любого дела, направлял следствие куда надо, прятал концы, прикрывал своих. Он был той самой невидимой головой, которую Воронцов так долго не мог разглядеть, — потому что она сидела в соседней комнате и наливала ему чай.

— А сегодня ночью ты зачем полез? — спросил Воронцов, краем глаза замечая, как бойцы бесшумно обходят плиту с фланга. — Соколов взят, гараж опечатан. Сидел бы тихо.

— Дурак, потому что, — честно ответил Колян. — Жадность стубила. В гараже товара на полмиллиона. Хотел вынести до обыска — ваш же обыск всё бы вскрыл, и часть прямо на меня бы вывела. Я там тоже наследил. Думал — заберу, замету следы, концы в воду. Соколов меня не сдаст, знает, что за это бывает. А Кравченко — кто ему, соучастнику, поверит?

— Просчитался ты, Коля, — тихо сказал Воронцов. — По всем статьям просчитался.

— Да понял уж, — устало отозвался дежурный. — Чуял же — не надо лезть. Сердце не на месте было. А полез. Старый дурак.

Воронцов набрал в грудь воздуха. Бойцы были почти на позиции. Ещё немного.

— Николай. Слушай внимательно. У тебя в обойме два патрона, от силы три. Вокруг — восемь стволов. Начнёшь стрелять — положат. Конец. А бросишь ствол сам, добровольно — другой разговор. Явка с повинной, сотрудничество. Ты ж сам мент, знаешь, как это работает. Срок светит, да. Но живым. С шансом выйти. Подумай о дочке. Ты ж про неё всё время в дежурке рассказывал.

За плитой повисло долгое молчание. Слышно было только, как барабанит дождь по железным крышам да воем вдалеке сирена подкрепления.

— Манька, — тихо сказал наконец Колян. — Машка моя. Восемь лет ей. Я ж для неё, Сергеич. Ей операция была нужна, на сердце. Платная. Где я такие деньги возьму на дежурском окладе? Вот и докатился.

Голос его дрогнул. И в этот момент циничный, всё повидавший Воронцов вдруг почувствовал, как к горлу подкатывает горечь. Потому что вот она — вся правда жизни в одной фразе. Не злодей. Не маньяк. Отец, которому нужны были деньги на операцию дочери. Слабый, отчаявшийся человек, сидящий теперь за бетонной плитой с пистолетом, в окружении бывших своих.

— Операцию сделали? — спросил Воронцов неожиданно для себя.

— Сделали, — отозвался Колян. — Полгода назад. Живёт Машка. Бегаёт. — Пауза. — Так что не зря, выходит. За одно это не зря.

— Тогда тем более не дури, — мягко сказал Воронцов. — Машке отец живой нужен. Пусть в тюрьме, пусть не скоро, но живой. А мёртвый ты ей на что? Бросай ствол, Коля. Слово даю — пальцем тебя никто не тронет. Сам тебя оформлю, по-человечески.

Снова тишина — долгая, тягучая. Воронцов чувствовал, как напряглись бойцы, готовые рвануть по команде. Чувствовал рядом частое дыхание Григорьева. Чувствовал холодную рукоять пистолета в собственной руке.

А потом из-за плиты раздался звук, которого все ждали, — глухой металлический стук. Пистолет, брошенный на мокрый асфальт.

— Всё, — устало сказал Колян. — Сдаюсь. Выхожу. Не стреляйте, мужики. Свои.

— Руки за голову! Медленно! — рявкнул командир группы.

Из-за плиты, подняв руки, вышел Колян — большой, грузный, в промокшей насквозь куртке, с лицом не злодея, а смертельно уставшего, раздавленного человека. Бойцы мгновенно

скрутили его, уложили на асфальт, защёлкнули наручники. Он не сопротивлялся. Лежал в луже и молчал.

Воронцов медленно подошёл, опустил наконец пистолет. Посмотрел на бывшего сослуживца сверху вниз. Сказать было нечего — всё уже сказали.

— Зачем, Коля? — только и выдавил он. — Ну зачем по-настоящему? Пришёл бы ко мне. Скинулись бы всем отделом на операцию. Помогли бы. Люди же.

Колян поднял голову из лужи, посмотрел на Воронцова, и в глазах его блеснуло что-то похожее на слёзы — а может, просто дождь.

— Гордый я, Сергеич, — прохрипел он. — Просить не умею. Лучше украсть, чем на паперти стоять. Вот и доигрался, гордый.

Его подняли, повели к машине. Воронцов смотрел вслед и молчал. Григорьев стоял рядом — потрясённый, не находящий слов. Для него, с его красным дипломом и верой в чёткие границы между добром и злом, эта ночь была очередным обрушением картины мира. Преступником оказался не чужой, не абстрактный злодей из учебника, а свой, знакомый, тот, кто наливал ему чай и по-доброму подшучивал над «студентом».

— Александр Сергеевич, — наконец тихо сказал он. — Я не понимаю. Он же... он же мент. Двадцать два года. Как так?

Воронцов закурил, глядя, как отъезжает машина с Коляном.

— А вот так, студент. — Голос его был глухим, бесконечно усталым. — Помнишь, я говорил — по-настоящему злых единицы, а большинство просто слабые? Вот тебе живой пример. Не злодей Колян. Отец, которому деньги на дочь были нужны. Слабый человек, который раз оступился, а потом увяз по уши. Засосало. — Он затаился. — Это и есть самое страшное в нашей работе. Не маньяки. Не бандиты. А вот такие — свои, обычные, понятные. Которые ломаются. И ты их потом ловишь, и сажаешь, и вроде всё правильно, по закону, а на душе мерзко. Потому что человека жалко. И понимаешь его. И от этого ещё хуже.

Он бросил окурок в лужу.

— Запомни эту ночь, Игорь. Хорошо запомни. Это и есть та самая работа, про которую я с первого дня талдычу. Не та, что в законе сто сорок четыре. А та, что душу выгрызает. Где нет чёрного и белого. Где предатель оказывается несчастным отцом, а вор — просто слабым мужиком. И где ты всё равно должен делать своё дело. Сажать. Потому что иначе нельзя. Потому что Зинаида Петровна без кольца сидит и плачет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.